

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

ПОХОДНЫЙ МАРШ

Драматическая поэма в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В эпизодах войны:

Девушка.

Паренек.

Солдат.

В послевоенных эпизодах:

Варя Калининкова.

Илья Левитин.

Глеб Украинцев.

Иван Александрович Мальцев — начальник строительства.

Сима Иваненко.

Таня Малевич.

Клава Хаджибекова.

Федор Платонов.

Сережка Галай.

Виктор Петрович Бельчиков.

Зойка Рогожина.

Нина Максименко.

Девушка-шофер с Урала.

Девочка-канарейкой

Студент.

Комсомольцы — строители города.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Война.

Они познакомились на дороге. словно трубачи, в первом ряду многотысячной армии — женщин, стариков и детей — они долго шагали рядом, даже не замечая друг друга. Им казалось, что все это — и дорога, и чахлый, педантично подстриженный пыльный кустарник, и хриплый собачий лай, и немецкие конвоиры с автоматами наизготовку — все это снится, и нужно лишь одно небольшое усилие, чтобы стряхнуть тягостное наваждение сна.

Потом им приказали остановиться. И только тогда молодой длинноногий солдат — в очках, босой, в разорванной гимнастерке — заметил, что рядом с ним стоят загорелый широкоплечий паренек и девушка — тоненькая, кареглазая, с темной косой, заложенной вокруг головы. Солдат услышал, как девушка, внезапно насторожившись, негромко спросила:

Девушка.

Это бьют дальнотбойные?

Паренек.

Нет, это гром.

Что ни день, то гроза в это чертово лето!
Вот и нынче, к рассвету, под дождь попадем...

Солдат (*угрюмо усмехнулся*).

Если нас не прикончат за час до рассвета!

Паренек (*поглядел на солдата*).

Ты откуда?

Солдат.

Из Киева.

Паренек.

Я из Керчи.

Девушка (*удивленно вскинула голову*).

Из Керчи?!

Паренек.

А друзей забывать не годится!

Ты не помнишь меня?.. Ну, а дом у больницы?

И окно на втором этаже?..

Девушка (*вскрикнула*).

Замолчи!

Я узнала тебя... Ах, как жаль, что темно!

Я узнала тебя — ты мальчишка с Почтовой.

Ты когда-то дразнил меня злобой и ревой,

Даже дрался...

Паренек.

Прости, это было давно.

Девушка (почти улыбнулась).

Это было ужасно давно. В старину.
Я ходила в матроске, на зависть мальчишкам,
И мечтала уехать в Мадрид, на войну!..
А уехала к папе в Ростов-на-Дону.
Стала старше, умнее... А впрочем, не слишком.
Помнишь — лагерь на Стрелке?

Паренек.

А помнишь лису?

Я поймал ее в плавнях, на Старом Мысу...

Девушка.

А закат?! Я нигде не встречала красивей!

Помнишь... Что это?

Солдат.

Просто — кукушка в лесу.

В тридесятой земле. В невоенной России.

Далеко, будто и вправду на другой земле, кукует
кукушка.

Девушка (нараспев).

Я спрошу у кукушечки,
Пусть в ответ прокричит она —
Сколько верст нам отмерено,
Сколько лет нам отсчитано?
Сколько?!..

Автоматная очередь. Девушка вздрогнула, странным
движением оглянулась назад, через плечо, и закрыла
лицо руками.

Паренек (тихо, сквозь стиснутые зубы).
Не плачь. Так страшней. Лучше в голос
кричать.
Лучше — камень с дороги. И с камнем — на
стражу!

Лей в немца мы начали молодость нашу,
Аль, что дважды невозможно начать!
Солдат (неожиданно просто).
Не плачьте. Нам сотни отсчитаны лет.
М отмерены версты, и версты, и версты.
Надайте и сбудется! Падают звезды —
Все мало на свете хороших примет?!
Представьте, что все по-другому. Не так,
Ни лагеря смерти, ни лая собак —
О, город встречает солдат из похода —
Идем — трубачи музыкантского взвода —
Военному, четко, печатая шаг!
Не плачьте. Теперь нам не страшно втроем.
Рассвета осталось не больше мгновенья...

Близкий раскат грома.

Паренек.

Ну и гром!..

Солдат.

Чепуха! Это вовсе не гром!

Это армия наша пошла в наступление!
Вы не плачьте. О нас не забыли друзья.
Нас спасут, нам помогут, нас вырвут из ада...
Только плакать не надо! Не надо, не надо —
Ты трубим наступление — нам плакать нельзя!
Мы когда-нибудь снова увидимся... Нет!
Мы когда-нибудь встретимся с вами впервые!
Будет все, как у всех, — и чаи путевые,
И горячая ссора, и мудрый совет!
Будет песней встревожен покой тишины,
Будет темень ночная размыта огнями.
В удивительном городе, созданном нами,
Мы — в первые — увидимся после войны!
Нет войны! Понимаете — нету войны!
Трубачи не сигналият походной тревоги.
Мирный поезд везет нас по мирной дороге,
Мимо станций, внезапных, как детские сны...

Раскат грома.

Это вовсе не гром! Над рекой, вдалеке,
По обвалам грохочет ожившая лава.
И в туман уплывают по темной реке,
Громыхая на мелях, плоты лесосплава.
Будет майская ночь — не вздохнуть, не уснуть!
Мы втроем у окна простои́м до рассвета.
Вы не плачьте!..

Снова залаяли собаки. Петушинный голос выкрикнул
короткую команду.

Девушка.

Приказано трогаться в путь!..

Раскат грома.

Паренек.

Что ни день — то гроза в это чертово лето!..

Затемнение

В темноте автоматная очередь, собачий лай, усталое
шарканье ног и негромкий спокойный голос Солдата:

Солдат.

Вы представьте, что все по-другому. Не так.
Нет ни лагеря смерти, ни лая собак.
Это — ночь. И гудят поезда за окном.
Пахнет ветер землю и тающим льдом.
И весна. И заходится сердце в груди.
Встречи не было. Встреча еще впереди!
Вы представьте!

Свисток. Протяжный гудок поезда. Застучали колеса. Несколько слов песни, которую относит ветер. Тишина.

Помаргивая, загорается электрическая лампочка. Она освещает большую комнату в новом, построенном наспех, деревянном доме. Низкое широкое окно. У окна грубо сколоченный стол, застеленный газетами. Книжная полка. Поверх книг — рулоны чертежей и рейсшина. На стене репродуктор и старинные часы с кукушкой. В углу, отгороженном ширмой, еще один стол — поменьше. Он накрыт белой клеенкой. Аптекарские весы под марлевой салфеткой. Стекланный шкафчик с медикаментами.

Ночь. Тишина. Далеко гудят поезда. За столом, уткнувшись в книгу, сидит Клава Хаджибекова. Она читает внимательно, шевеля губами, вздыхая. На ее смуглом скуластом лице выражается то негодование, то восторг. Иногда она поднимает голову и, словно впервые, удивленно смотрит на Федора Платонова — человека лет тридцати пяти, небритого, в армейской шинели, который, стоя у окна, нервно барабанит пальцами по стеклу.

Клава (вздыхнула). Ах-ха-ха! Поезда гудят — прямо покоя от них нет! (Поглядела на Платонова.) Ну чего ты волнуешься, Федор?

Платонов (ворчливо). Поволнуешься тут! Не могу я его ждать больше. Не могу, ясно тебе?! Плюну сейчас и отправлюсь без спроса!

Клава (снова уткнулась в книгу). Нельзя.

Платонов. Нельзя, нельзя... Развели бюрократию, черти! (Помолчал.) Что читаешь?

Клава. Сочинение графа Льва Толстого. Про семейное счастье.

Платонов (усмехнулся). Изучаешь?

Скрипнула дверь. Невысокий человек в осеннем пальто с поднятым воротником, заложив руки за спину, остановился на пороге. Это доктор Бельчиков.

Бельчиков (резко). Что происходит здесь?

Клава (смутилась). Ничего такого особенного не происходит. Добрый вечер, Виктор Петрович!

Бельчиков. Добрый вечер!

Клава. Мы, понимаете, Илью ожидаем.

Бельчиков. Понимаю. А где-нибудь в другом месте вы не могли бы его ожидать?

Клава (поспешно встала). Нам уйти?

Бельчиков (помолчал). Сидите. Считайте, что я пошутил! (Позвякивая ключами, подошел к стеклянному шкафчику с медикаментами, отпер, достал какие-то коробочки с ампулами, пластмассовую коробочку, шприц, сунул все это в карман, закрыл шкаф.) Так, так, так... Который час?

Платонов. Без четверти двенадцать.

Бельчиков. Только-то? Детское время! (Пододвинул стул к окну, сел, вытянул ноги.) Посижу и я! А вы зачем ждете Илью?

Платонов. Мне в изолятор надо пройти — повидать Глеба Украинцева. Вы не разрешите, товарищ Бельчиков?

Бельчиков (поглядывая в окно). Изолятором распоряжается Илья. Ждите! (Неожиданно обернулся к Платонову.) Ваша фамилия, если не ошибаюсь, Пахомов?

Платонов. Моя фамилия Платонов.

Бельчиков. Возможно. У меня дурацкая профессиональная память. Фамилии вашей я не помню, а вот каверночку в левом легком — помню отлично! (Улыбнулся Клаве.) А вас зовут Клава, правильно?

Клава. Правильно!

Бельчиков. Женские имена я запоминаю почему-то лучше мужских! Вы сегодня очень красивая, Клава... Правда, товарищ Платонов? Вам нравится Клава?

Платонов (угрюмо). А вам, извините, зачем это нужно знать?

Бельчиков (весело). Из любопытства. Прекраснейшее качество — любопытство! Если не хотите раньше времени постареть — учитесь любопытствовать!.. Который час?

Клава. Без десяти двенадцать.

За окном из темноты кто-то негромко позвал: «Виктор Петрович!.. Товарищ Бельчиков!..»

Бельчиков. Ага, наконец! (Встал.) Ну-с, не буду вам больше мешать, доброй ночи, желаю счастья! (Усмехнулся.) Кстати, вы никогда не обращали внимания на странное обстоятельство — в юности мы бываем твердо убеждены, что счастье человека и счастье человечества — это одно и то же! И только за тридцатью годами начинаешь догадываться, что это решительно разные вещи. Решительно разные!

Клава. Что-то я не понимаю этого, Виктор Петрович.

Бельчиков. Поймете, когда вам исполнится тридцать! (Протягивает Клаве связку ключей.) Прошу вас, передайте эти ключи Илье. Доброй ночи! (Снова посмотрел на Клаву и засмеялся.) Ах, черт побери, как же это я раньше не замечал, что вы такая красивая?! Бельчиков кланяется и быстро уходит. Молчание.

Клава. Пьяный он, что ли?

Платонов. Непохоже.

В открытом окне появляется Сережка Галай — высокий широкоплечий парень в брезентовой робе. Он останавливается, зачем-то срывает с головы шапку.

Г а л а й *(во весь голос)*. Дорохов тут?
К л а в а *(вздрыгнула)*. Тихо, нескладный.
Оглушил.

П л а т о н о в. На лесопилке Дорохов. Там
ниш.

Г а л а й *(шепотом)*. Так я и есть с лесопилки. Дорохов руку зашиб, сюда пошел... Нету его?

П л а т о н о в. Нет.

Г а л а й. И раньше не было?

П л а т о н о в. Нет.

Г а л а й *(только теперь обиделся)*. Нескладный!.. *(Исчезает.)*

П л а т о н о в *(помолчав, решительно)*. Ну, вот что, Клавдия... *(Гаснет свет.)* А-а, будь ты неладен — опять авария на подстанции!..

Молчание. И как это всегда бывает в темноте, ночь со всеми ее шорохами и звуками сразу наполняет комнату. Гудит механическая пила на лесопилке, стучит землерпалка, покрикивают маневренные поезда. На реке высокий мужской голос тянет на одной ноте:

«Раз, два — взяли!.. Еще раз — взяли!

Раз, два — дружно!..»

П л а т о н о в *(сердито)*. Ведь это надо же, чтоб так все сошлось: Мальцев в Москве, Глеб свалился... А тут паводок идет... Не сегодня-завтра лед тронется... Вот, помани мое слово, отберет у нас знамя левый берег, как пить дать отберет! *(После паузы.)* Клавда! Ты здесь, Клавдия?!..

В темноте прохрипели часы. Закуковала кукушка.

Двенадцать. Целых полтора часа я уже потерял. Целых полтора часа!..

Быстро входит Илья Левитин. Он высокий, худой, в очках. На нем брезентовый плащ, из-под которого выглядывает белый докторский халат.

И л ь я. Есть тут кто-нибудь?

П л а т о н о в. Ждем.

И л ь я. Сейчас, минутку. *(Ощупью подходит к столу, циркает спичкой, зажигает настольную керосиновую лампу.)*

К л а в а. Доброй ночи, доктор.

И л ь я. Доброй ночи. Вы по делу?

П л а т о н о в. Я по делу.

И л ь я. Слушаю.

П л а т о н о в. У меня к тебе просьба, товарищ Левитин...

И л ь я *(перебил)*. Если опять насчет Глеба...

П л а т о н о в. Вот именно.

И л ь я. Совершенно напрасно. Ничем не могу вам помочь.

П л а т о н о в. Так я на пять минуток всего.

И л ь я. Хотя на секунду! Глеб — в изоляторе, больной, с высокой температурой! Очень сожалею, Федор Николаевич, но я не имею права пустить вас к нему!

П л а т о н о в. Илья!

И л ь я. Нет-нет, не могу! И давайте больше не будем об этом говорить, ладно?

П л а т о н о в. Мне только бумажку ему одну показать.

И л ь я. Нет.

П л а т о н о в. Тогда вы ему сами передайте...

И л ь я. Ничего не буду передавать.

П л а т о н о в. Илья!

И л ь я. Нет! *(Демонстративно обернулся к Клавде.)* А что с вами, Клавда?

П л а т о н о в. Нехорошо получается, Илья! Я тебя ожидаю, с тобой как с человеком говорю, а ты...

И л ь я *(вспылил)*. Вот что, дорогой товарищ Платонов! Мне это все решительно надоело, понимаете?! Весь день вы ходите за мной по пятам... Вы и ваши монтажники! Ни одного человека я к больному не пушу, и кончен об этом разговор!

П л а т о н о в *(тоже разозлился)*. Ладно, товарищ Левитин! Вернется Мальцев, мы тогда на бюро потолкуем!

И л ь я. Пожалуйста. Где угодно.

П л а т о н о в. Ладно, товарищ Левитин! *(Хлопнув дверью, уходит.)*

Илья снял плащ, швырнул его в угол, пригладил волосы, посмотрел на Клавду.

И л ь я. Ну, а что же с вами, Клавда? Все еще болит нога?

К л а в а. Нет... Голова болит.

И л ь я. Голова? Что за напасти на вас? Вот — примите порошок и закройте глаза. Посидите так.

К л а в а. Вы сейчас ложиться будете?

И л ь я. Нет, мне еще отчет писать. Виктор Петрович не заходил?

К л а в а. Заходил. Ключи вам оставил.

И л ь я. Зачем?! *(Взял ключи.)* Спасибо! *(Улыбнулся.)* Удивительный он человек, Клавда! Необыкновенный! Мне просто невероятно повезло, что после института сразу же выпало счастье работать с таким врачом, как Виктор Петрович! *(Помолчав.)* Как вы думаете — Платонов на меня обиделся?

К л а в а *(уклончиво)*. Не знаю.

И л ь я. Чудак!

Молчание. Далеко запели песню.

К л а в а (*тихо*). Хорошо у нас поют.

И л ь я (*возбужденно*). А ночь сегодня какая, вы обратили внимание? Первая весенняя ночь. Кажется, дожди никогда не кончатся, и вдруг сразу весна, звезды высыпали... А вы даже загореть успели, Клава! Где это?

К л а в а. А я всегда как будто загорелая. У меня мама русская, а отец казах. И фамилия у меня поэтому такая — Хаджибекова! (*Открыла глаза, поглядела на Илью.*) А вы снимите ваш халат, доктор. Я вам его к утру постираю.

И л ь я. Хорошо, спасибо... Только зачем же вы глаза открыли?

К л а в а. У меня уже все прошло.

И л ь я. Так быстро?

К л а в а. Да! (*Помолчав.*) У меня и не болело ничего, доктор. И нога не болела и голова не болела — все я вас обманываю!

И л ь я (*оторопел*). Почему?

К л а в а. Сказать?

И л ь я. Скажите... Что вы смеетесь?

К л а в а. У вас очень лицо смешное сейчас. Испуганное-испуганное. Вы, наверное, думаете, что я вам в любви признаваться буду, верно?

И л ь я (*очень смутился*). Ну почему же, знаете ли, непременно в любви?! Вовсе это не обязательно и даже, как бы выразиться...

К л а в а (*расхохоталась*). Доктор, доктор, миленький! Ничего-то вы совсем не понимаете! Да ведь я же замуж выхожу, доктор!

И л ь я (*с облегчением*). Да? Вот это разумно! Рад за вас, Клава. Прекрасно! А кто он?

К л а в а. Один человек.

И л ь я. Прекрасно!

К л а в а (*встала, подошла к Илье, проговорила серьезно и крайне доверительно*). А к вам, доктор, я книжки читать прихожу. Понимаете? У вас и художественные сочинения и медицинские... А в библиотеке ничего этого нет.

И л ь я. Так что же вы мне прямо не сказали?

К л а в а. Неудобно, стеснялась. У вас дела, больные ожидают, а я сижу, словно в гостях!

И л ь я. Берите домой.

К л а в а (*недоверчиво*). А вы дадите?

И л ь я. Разумеется.

К л а в а. Честное слово?! А я-то, дура, спросить не решалась! Я, знаете, у Бельчикова попросила однажды книжку — «Общую терапию» профессора Кончаловского, а он засмеялся и не дал.

И л ь я (*пряча улыбку*). А зачем же вам «Общая терапия?»

К л а в а. Интересуюсь. Я очень, доктор,

медициной интересуюсь. На войне я санитаркой служила — там и заинтересовалась. И я так думаю — вот построим мы город, техникумы построим, институты, и тогда я непременно учиться пойду, честное слово!..

Клава посмотрела на Илью и засмеялась.

И л ь я. Что вы? О чем вспомнили?

К л а в а. Какое лицо у вас было смешное! (*Прищурилась.*) А что, если я вас опять обманываю, доктор? И замуж я не выхожу, и книжки для отвода глаз...

И л ь я (*замахал руками*). Нет-нет, Клава! Вы уж, пожалуйста!..

Быстро входит С и м а И в а н е н к о. С первого взгляда она кажется подростком. У нее легкие, пушистые волосы, синие раскосые глаза, вздернутый нос.

С и м а. Хозяин дома?

И л ь я. Здравствуй, Сима.

С и м а. Клавдия!

К л а в а. Я уже ухожу... Да?

С и м а. Догадлива.

К л а в а. Значит, можно мне книжку забрать? Газетки у вас не найдется — завернуть?

И л ь я. Берите так, ничего.

К л а в а. Спасибо. Большое вам спасибо. Доброй ночи!.. (*Уходит, прижимая книжку к груди.*)

Сима подошла к столу, села.

С и м а (*тихо*). Устала.

И л ь я. Ты из рук вон плохо выглядишь! Что с тобой?

С и м а. Не знаю. Устала. Шла быстро. Дай ты мне капле каких-нибудь, чтоб успокоиться.

И л ь я. Вот — выпей, ландышевые.

С и м а (*выпила, сморщилась*). Гадость! И совсем на ландыши не похоже. Ландыши красивые, и запах тонкий!.. Ты ландыши любишь?

И л ь я. Да.

С и м а (*усмехнулась*). Цветы, вино и женщины! Это все мужчины любят — цветы, вино и женщин — или только некоторые?

И л ь я. Ты какая-то странная сегодня.

С и м а. Весна, братец! Весной жить долго хочется, правда? Жить долго и все, о чем мечтается, — руками потрогать, воздухом подышать... А я к тебе с разговором, Илья!..

И л ь я. О чем? О Глебе?

С и м а. Нет-нет, не волнуйся. Платонов уже приходил на тебя жаловаться. Но я ему сказала, что в твое ведомство не вмешиваюсь... Как Глеб?

Илья. Температура высокая.

Сима. Лечи ты его скорей. Паводок идет и вообще — промедление, как говорится, смерти подобно... Жаль, шторы у тебя нет на окне!

Илья. А зачем?

Сима. Боюсь — реветь буду.

Илья. Что с тобой? Что стряслось?

Сима (после паузы). Я хочу тебя предупредить, Илюша... Так случилось, что в самое трудное время ты остаешься один...

Илья. Почему один? А Виктор Петрович?

Сима. Он уехал.

Илья. Куда уехал? Когда? Надолго?

Сима. Навсегда.

Илья (поджал губы). Что за вздор?!

Далеко прогудел поезд. Сима прислушалась, взглянула на часы.

Сима. А вот и поезд его отошел.

Илья. Ничего не понимаю! Час тому назад он был на обходе!

Сима (кивнула). Да-да, вот именно. Все рассчитано так, чтобы никто и догадаться не смог. Он оставил письмо...

Илья (удивленно). Тебе?

Сима. Да, мне. Он пишет, что ему предложили работу в Москве, что он человек больной, что он уже вышел из романтического возраста и его не устраивает, как он выражается, «жизнь в шалаше»... Потом он кается, просит прощения, желает нам счастья, успехов и шлет свои лучшие пожелания!.. (Стиснула кулаки.) Подлец!..

Илья (тихо). Ты не смеешь так говорить.

Сима. Очевидно, смею!

Илья. Нет, не смеешь! Все это какая-то чепуха! Если Виктор Петрович уехал...

Сима. Он трус, Илья! Трус и подлец!

Илья (все громче и громче). Нет!.. Нет!.. И вот что — я не позволю тебе говорить о нем так! Я не желаю...

Сима. Не кричи.

Илья. Он был для меня всем — учителем, другом!.. И ты не заставишь меня...

Сима (резко). А я и не собираюсь! (Помедлив.) А тебе, милый мой, надо посдержанней быть. Тем более, что ты теперь один.

Илья. Это невозможно!

Сима. Вот как?

Илья (упрямо). Невозможно! Я не могу быть одновременно и хирургом, и терапевтом, и ухом-горлом-носом, и провизором...

Сима (спокойно). Придется. Пока нам не пришлют новых людей — придется тебе заниматься всем. Мне ведь тоже приходится — и в

горьком комсомола заседать, и в проектировочной мастерской работать, и с такими вот, как ты, душеспасительные беседы вести... Тяжело, а приходится! Ты мне составь список самого необходимого для тебя. Завтра мы на бюро обсудим.

Илья. Где вы достанете?

Сима. А уж это не твоя забота. Только ты не завирайся, пиши, действительно, самое необходимое... Ладно, спи! (Резко поднялась, пошла к дверям.)

Илья. Сима!

Сима (остановилась). Ну? (Усмехнулась.) Вот и не заревела! Так говоришь — он был для тебя другом и учителем? Что ж, а для меня он был всего-навсего мужем. Отцом моего ребенка.

Илья (в недоумении). Какого ребенка?

Сима. Который будет. Спи, ухо-горло-нос! (Уходит.)

Илья один. Он встал, взволнованно прошелся по комнате, сел к столу. Хлопает входная дверь, снова появляется Сережка Галай — парень с лесопилки.

Галай. Дорохов тут?

Илья. Нет.

Галай. А где?

Илья. На лесопилку пошел. Я ему руку перевязал, и он пошел.

Галай (недоверчиво). Да?.. А сперва отказывались... Ох, путаете, товарищ!.. (Уходит.)

И опять Илья один. Тишина. Поскрипывают часы. На улице слышались чьи-то шаги, смех, голоса. Кто-то легонько стукнул в окно.

Илья. Кто там?

Тишина. Илья распахнул окно. Невидимая в темноте компания бросилась врассыпную. Кто-то споткнулся, охнул, и уже вдалеке высокий девичий голос запел:

«Мама, мама, мне врач не поможет,
Я влюбился в девчонку одну!..»

Тишина. Прогудел поезд. Снова затянули на реке:

«Раз, два — взяли!

Еще раз — взяли!

Раз, два — дружно!..»

В дверь стучат.

Илья. Ну?

Входит тоненькая кареглазая девушка с темной косой, заложенной вокруг головы. Это Варя Калининна. Она останавливается в дверях, с интересом оглядывает комнату.

Варя (вежливо). Здравствуйте.

Илья. Входи. Ты зачем в окно стучала?

Варя. Это не я.

Илья. А кто?

Варя. Не знаю.

Илья. Как маленькие, все равно! Тебе что нужно?

Варя. Я Глеба Украинцева пишу.

Илья (начинает злиться). Он болен.

Варя. Болен?

Илья (иронически). Можно подумать, что ты об этом не слыхала! Он болен, лежит в изоляторе. И никого я к нему не пушу. Ни одного человека. Спокойной ночи!

Варя. Спокойной ночи! (Помолчав.) Только вы напрасно так со мной говорите. Я ведь, и правда, ничего не знала. Я только сейчас приехала.

Илья. Откуда?

Варя. А разве это не все равно? Из Куйбышева.

Илья (смутился). Вот как? Тогда извините... А я подумал, что вас Платонов подослал... Да вы садитесь, пожалуйста! (Придвинул стул.) Вы понимаете, сегодня весь день мне морочат голову из-за Глеба... А вы его знакомая, да?

Варя. Нет. Ужасно обидно, что он болен. А товарищ Мальцев здесь?

Илья. Нет, он в Москве.

Варя (засмеялась). Не везет. Ну, а Левитин?

Илья (помедлив). Левитин здесь. Это я — Левитин.

Варя. Вы?!

Илья. Да. Чему вы так удивились?

Варя (задумчиво разглядывая Илью). Нет, я не удивилась. Просто мы совсем по-другому вас представляли. Мы почему-то решили, что вы маленький и черненький... А вы вои какой, оказывается! Мы очень много говорили про вас. Про вас, и про Глеба, и про Мальцева. И все придумали заранее — как я поеду, как приеду, как с вами увижусь.

Илья. Занятно! Кто же вы такая?

Варя. Я? Варя Калининкова.

Илья. А зачем вы приехали?

Варя. К вам.

Илья (его развеселил этот разговор). Да? Что ж, это очень мило с вашей стороны! Здравствуйте тогда!

Варя. Здравствуйте.

Илья. А где же ваши вещи?

Варя. Я их в конторе оставила — чемодан и зонтик... Нет, я вижу, что вы все-таки не понимаете!

Илья. Честно говоря — не очень.

Варя. Вы — Илья Левитин?

Илья (развел руками). Да.

Варя (вытащила из кармана пальто газету, положила ее на стол). Это вы писали?

Илья (взглянула на газету, усмехнулся). Ах, так вот в чем дело!

Варя. Теперь понимаете?

Илья. Теперь понимаю... И вы поверили?

Варя. Чему?

Илья. Тому, что мы написали.

Варя. Конечно. Мы прочли в газете ваше обращение и сразу же решили ехать. Весь наш выпуск. Ну, а потом вышло так, что я уехала первой — разведчицей!

Илья (прищурился). А ведь всего этого еще нет, Варя Калининкова!

Варя (не поняла). Чего?

Илья (со злостью). Всего того, о чем мы тут написали! Мы приехали сюда осенью, в октябре месяце... Первая партия, которую послал Центральный Комитет комсомола, с очень простым заданием — начинать жить. А жить-то было невозможно! Я хорошо помню, как мы бродили по страшной искалеченной земле, мимо взорванных домов и сожженных деревьев. Этот город начинали строить еще в сорок первом году. А потом пришла война. И вот Мальцев, нынешний начальник строительства, а тогда, в сорок первом, он был вроде Глеба, начальником участка, ходил вместе с нами и показывал — эта, например, груда обломков и щебня была Дворцом культуры, а эта — школой, а тут собирались разбивать парк. И вот, ночью мы написали это письмо! За окном лил дождь, чавкала грязь, а мы придумывали, улицу за улицей, дома, площади, гранитные набережные! Мы проспорили чуть не полночи о том, как назвать центральную площадь! Мы сочинили историю о летнем рассвете, пионерском марше и неожиданной грозе... Впрочем, все это вы читали!

Варя. Да.

Илья. Но мы никого не собирались обманывать, нет! Мы так и написали: если хотите жить в этом городе — приезжайте его строить! А пока... Вот, полюбуйтесь — это все, что у нас есть сейчас! Это все, что нам оставила война! Вам не нравится? Уезжайте! Сообщите вашим подругам, что Украинцев и Левитин вруны!

Варя (чуть помедлив). Почему вы сердитесь? Кто вас обидел?

Илья. Меня?!

Варя. Да, вас. Вы так говорите, словно вас кто-то обидел! (Улыбнулась.) Я ведь по-

шутила, что приехала к вам. Вы не бойтесь, я не к вам приехала! *(Насмешливо протянула.)* Вы придумали город, подумаешь! Этот город придумывал еще мой отец — он погиб в сорок четвертом году, под Варшавой. И я тоже придумывала этот город — в войну, во время бомбежек, когда мы, школьницы, рыли окопы... И если хотите знать, так мой город, который я придумала, ничуть не хуже вашего... Даже лучше! В сто тысяч раз лучше!

Илья *(серьезно)*. В сто тысяч?

Варя *(запальчиво)*. В сто тысяч! И мне очень хочется жить в этом городе, но только у меня и в мыслях не было, что кто-то другой построит его для меня!

Илья. Значит, в сто тысяч? Что ж, тогда у нас действительно красивый город!

Варя. Да, очень!

Илья *(неожиданно встал, улыбнулся, протянул Варю руку)*. Мир, ладно?

Варя *(ворчливо)*. Ладно уж.

Илья. Вас куда поместили?

Варя. Пока еще никуда. Велели до утра обождать.

Илья. Вы устали? Хотите, ложитесь у нас спать?

Варя. Нет, спасибо, я совсем не устала. Я всю дорогу спала. Ужасно люблю спать в поезде.

Илья. Я тоже.

Варя *(почему-то обрадовалась)*. Правда? Ночью хорошо особенно. Проснешься на минутку, а в окне станция, огоньки и обязательно кто-нибудь громко шепчется в коридоре... А ты лежишь и подслушиваешь!

Илья. Хорошо!

Илья и Варя рассмеялись.

Варя. Замечательно!

Илья. Вы, наверное, подумали, что я очень злой, да?

Варя. А это не так?

Илья *(уклончиво)*. Не совсем так! *(Встал, прошелся, снова сел.)* Если вы серьезно не хотите спать, давайте тогда разговаривать, согласны?

Варя. Давайте.

И сразу же после этого разговора наступает молчание. Они сидят и смущенно поглядывают друг на друга.

Молчание.

Илья. Н-да-а... Вот так-то...

Варя *(чтобы наконец хоть что-нибудь сказать)*. Вы здесь и живете?

Илья. Да. Вдвоем. Глеб и я.

Варя *(словно размышляя вслух)*. И все-

таки непонятно... Вот вы написали это письмо, его напечатали в газетах, и неужели же я приехала самая первая?

Илья. Нет! Что вы! Едет народ. Со всего Союза едут и пишут... А вы, собственно, почему об этом спросили?

Варя. Значит, я не первая? И что же, вы всех так странно встречаете?

Илья *(после паузы)*. Нет, не всех. Понимаете, Варя, когда я узнал, что вы только приехали, я сначала очень обрадовался...

Варя. Почему?

Илья. Не знаю. Сначала обрадовался, а потом испугался. Я вдруг испугался, что вы можете ничего не понять и уехать. У нас уже были такие — мечтатели с горящими глазами, или, как их называет Мальцев, романтики летнего периода — от мая до сентября, — которые удирали после первых же дождей и холодов... И горе не в том, что они удирали — мы справимся и без них, — горе в том, что мы отдавали им слишком много любви, доверия, привязанности... *(Махнул рукой.)* А-а, ладно, поговорим об этом как-нибудь в другой раз! Давайте лучше пить чай — хотите?

Варя. Нет, совсем не хочу.

Илья *(тоном, не терпящим возражений)*. Хотите и не спорьте! *(Вскочил, с самым деловым и озабоченным видом заметался по комнате.)*

Варя. Дайте, я хоть помогу.

Илья. Не надо! *(Роемся в ящиках письменного стола.)* Совершенно непонятно, куда девалось сгущенное молоко.

Варя. Бог с ним!

Илья. Ну, бог с ним! Зато есть чудесный хлеб.

Варя. Белый?

Илья. Почти. Серый. Годится?

Варя. Вполне.

Илья *(сокрушенно разглядывая накрытый стол)*. Вот, пожалуй, и все... Ах да, чуть не забыл — у меня есть банка варенья. Я ее в чемодане прячу от Глеба. Как вы относитесь к вишневому варенью?

Варя. Очень положительно. Я малиновое терпеть не могу. Всякие простуды вспоминаются, ангины, доктора...

Илья *(улыбнулся)*. Кто-кто?

Варя *(смутилась)*. Извините. Я очень люблю вишневое варенье.

Илья *(достал из чемодана банку варенья, торжественно поднял ее над головой и вдруг виновато посмотрел на Варю)*. Варя, оно — малиновое!

В а р я. Покажите-ка! (*Повертела банку в руках.*) Чудак-человек, так это же не то малиновое, это другое — вкусное.

И л ь я (*недоверчиво*). Вы нарочно так говорите.

В а р я. Ничуть. А чем ее открыть?

И л ь я. Я сейчас отправлюсь в контору, наберу там кипятку, достану консервный нож и принесу ваш чемодан и зонтик... Хорошо?

В а р я. Хорошо.

И л ь я. А вы не сбежите?

В а р я. Постараюсь не сбежать. Идите!

И л ь я. Слушаюсь! (*Накинул плащ, взял чайник, пошел к двери.*)

В а р я (*засмеялась*). Совсем как в дороге — с чайником за кипятком! Смотрите, не отстаньте от поезда!

И л ь я (*тихо*). Варя!

В а р я (*тоже тихо*). Что?

И л ь я. Вы очень хорошо сделали, что приехали... Вы это знаете?

В а р я. Нет.

И л ь я. Очень хорошо сделали! (*Нахмурился.*) Кстати, можно мне задать вам один вопрос?

В а р я. О чем?

И л ь я. Вы сказали — весь ваш выпуск... Там, в вашем выпуске, одни девушки, да?

В а р я. Нет.

И л ь я. Там есть кто-нибудь... Я имею в виду... Ну, одним словом, вы понимаете, что я хочу спросить!

В а р я. Идите!

И л ь я (*вздыхнув*). Ладно. До свиданья, Варя.

В а р я. До скорого свиданья.

И л ь я (*открыл дверь, остановился на пороге*). Черт, ужасно жалко уходить! А вдруг приду — и вас уже нет...

В а р я. И меня, и конфет, и варенья.

И л ь я. Я серьезно... И вы даже не приезжали... Так ведь тоже может быть!

В а р я. Все может быть.

И л ь я (*решительно*). Ладно. До свиданья. Ушел. (*Уходит.*)

Варя одна. Она встала, прошла по комнате, остановилась у книжной полки. Внезапно за окном прогудела машина. Затем, после короткой паузы, послышались громкие голоса. Резко, по-хозяйски, распахнув дверь, чуть наклонив голову, чтобы не стукнуться лбом о прилобку, входит начальник строительства — Иван Александрович Мальцев.

М а л ь ц е в (*увидел Варю*). Здравствуй! (*Протянул руку.*) Мальцев.

В а р я. Здравствуй.

М а л ь ц е в. А где Глеб? На участке?

В а р я. Нет, он болен.

М а л ь ц е в. Болен?! И серьезно?

В а р я. Кажется.

М а л ь ц е в (*смешно сморщил нос*). Фу-ты, пу-ты, чепуха какая! Как же это его угораздило разболеться в такое время?! Глупо! (*Помолчал.*) Ну, давайте условимся так — я сейчас пойду домой спать, а вы никому не говорите о том, что я вернулся. Хочу выспаться. Хорошо?

В а р я. Хорошо.

И в ту же секунду в дверях появляется возбужденно жестикулирующий студент — паренек с рюкзаком за плечами.

С т у д е н т (*отчаянно*). Товарищи!.. Граждане!..

М а л ь ц е в. Что такое? Кто вам нужен?

С т у д е н т. Начальство!

М а л ь ц е в. Я Мальцев.

С т у д е н т (*сразу почти спокойно*). Товарищ Мальцев, мы студенты... Приехали на паводок по комсомольской мобилизации... А нам в постройке говорят, что нас размещать негде...

М а л ь ц е в. Правильно говорят.

С т у д е н т (*опешил*). Как?..

М а л ь ц е в. Правильно говорят. Размещать вас действительно негде. Ну, а мы все-таки попробуем разместить. Идемте. Вас кормили?

С т у д е н т. Нет еще.

М а л ь ц е в. Идемте! (*Подмигнул Варе.*) Вот тебе и поспал!

Мальцев со студентом быстро уходят. Варя подошла к окну, смотрит им вслед. Бегом возвращается Клава.

К л а в а. А где доктор?

В а р я. Он скоро вернется. Посидите.

К л а в а. Некогда мне! Слушай, девушка, ты скажи доктору — он мне книжку дал... Так там тридцать первая страница порванная... Это не я порвала — она была так... Скажешь?

В а р я. Хорошо, скажу.

К л а в а. Ты кто?

В а р я (*задумчиво улыбнулась*). Я и сама еще толком не знаю... Я приехала.

К л а в а. Работать?

В а р я. Да.

К л а в а. А что делать умеешь? На бетоне работала?

В а р я. Нет, я учительница — педагогический техникум окончила.

К л а в а (*тихо и радостно*). Учительница?! Приехала, наконец! Слушай, это замечательно... Это очень замечательно, что ты приехала!

А ты... А вы со мной заниматься будете? Вы по каким наукам?

В а р я. Русский язык и литература.

К л а в а. Как раз, что мне нужно! А вы зачем доктора ждете?

В а р я. Чай пить собираемся.

К л а в а. Вы раньше его знали?

В а р я. Нет, только познакомились.

К л а в а (*снова переходя на «ты»*). Понравился он тебе?

В а р я. Славный.

К л а в а. Он очень славный... И неженатый, между прочим! Тебя как зовут?

В а р я. Варя.

К л а в а. А меня Клава! Эх, жаль, мне бежать надо, а то бы я тебе все про доктора рассказала... Совет бы дала... Ну, успеем еще! Ты в каком бараке живешь?

В а р я. Еще ни в каком.

К л а в а. Со мной будешь жить. Шестой женский — запомни! На площади Парижской Коммуны, второй от конца.

В а р я. На площади Парижской Коммуны?

К л а в а (*засмеялась*). Ну, это так называется. Там пустырь пока! (*Вскочила.*) Эх, Варенька! Теперь-то мы им покажем... Теперь-то мы им всем покажем, чего стоят наши, казанские... Ты не из Казани?

В а р я. Нет.

К л а в а. Ну, это ничего, не важно!

Отворяется дверь, входит Платонов. Он останавливается, подозрительно смотрит на девушек.

П л а т о н о в. Вы одни?

К л а в а. А тебе мало?

П л а т о н о в. Одни вы, спрашиваю?

К л а в а. Да.

П л а т о н о в. Ладно! (*Хотел идти, но передумал, остановился, укоризненно поглядел на Клаву.*) Все сидишь?

К л а в а. Все сижу, а что?

П л а т о н о в. А ничего! (*Тихо.*) От людей стыдно, Клавдия! Люди смеются, вот что!

К л а в а. Пускай!

П л а т о н о в. Тебе — пускай, а мне — обидно!

К л а в а. Еще бы не обидно! Заслуженный человек, фронтовик, гвардии капитан, а ревнуешь все равно, как Отелло!

П л а т о н о в. Отелло, между прочим, был генералом.

К л а в а. Тем более!

П л а т о н о в (*хмуро и удивленно*). Всегда права! (*Уходит.*)

Клава засмеялась, посмотрела на Варю.

К л а в а. Строго я с ним?

В а р я. А он кто?

К л а в а. Красивый?

В а р я. Красивый.

К л а в а (*с гордостью*). Это мой. Мы с ним вместе на фронте были. Отчаянный герой, между прочим!..

Платонов возвращается. Рядом с ним Таня Малеви́ч и Глеб Украинцев. Глеб в кожаной куртке, накинутой поверх майки, в лыжных брюках, в тапочках на босу ногу. Он быстро посмотрел на Варю, удивленно поднял брови и засмеялся.

К л а в а (*ахнула*). Глеб?!..

Г л е б. Тихо! Страшная тайна, молчание или смерть!

К л а в а. Вы же больной, Глеб! Вы зачем встали?

Г л е б. А разве я встал?

К л а в а (*Платонову*). Нехорошо поступаешь, Федор! Некрасиво. (*Грохнув в сердцах дверь, уходит.*)

П л а т о н о в (*Варе*). А вы, девушка...

Г л е б. Это гостя. Ничего! (*Присел к столу.*) Давайте, товарищи, быстро!

П л а т о н о в. Вот наша заявка в область и вот резолюция. С оплаченным, как говорится, ответом.

Г л е б. Красиво написано — отказать! Не пожалел человек красного карандаша! Ну, а что же ты предлагаешь, Татьяна?

Т а н я. Я вам даю лес и даю транспорт, чтобы его перевезти.

Г л е б. Трогательно! А взамен?

Т а н я. Забираю бригаду Коли Колесникова.

Г л е б (*даже присвистнул*). Только-то! Это не выйдет!

Т а н я (*невозмутимо*). Нет, выйдет. Если я до паводка, милый друг, не кончу монтаж, нам всем головы снимают... И тебе в первую очередь! Кстати, учти, что горком поддерживает мое предложение.

Г л е б. Ах, вот как?!

Т а н я. Да, так!

Г л е б (*подумав*). Ты все-таки на редкость неприятная женщина, Татьяна!

Т а н я. Да, у меня очень скверный характер.

Г л е б. Недаром еще в институте я тебя недолюбливал.

Т а н я (*спокойно*). Ничего, Глебушка, ты не огорчайся — это было взаимно.

Г л е б (*смущенно засмеялся*). Ну-ну! Ладно, товарищи, завтра я выйду, тогда мы все детали и обсудим... А там, глядишь, и Мальцев вернется... Будьте здоровы!

Платонов. Ты назад пойдешь?

Глеб. Здесь останусь.

Таня (*насмешливо*). Так я скажу Коле Колесникову, чтоб он к тебе проститься зашел!

Таня и Платонов уходят. Глеб поглядел им вслед, хмыкнул, встал, подошел к Варе.

Глеб (*очень серьезно, скороговоркой*). Тары-бары, тары-бары, шли с базара две Варвары...

Варя (*от изумления заговорила шепотом*). Ой, откуда вы это знаете?

Глеб. Маленькая Варенька
Ходит в шубе старенькой,
А у старенькой Варвары
Есть галош четыре пары!..

Варя (*нерешительно смеется*). Нет, откуда вы знаете?!..

Глеб (*важно*). Меня зовут Глеб Украинцев.

Варя. Ну и что?

Глеб. Никудышная у вас память! А лет пятнадцать тому назад меня звали Глебом из дома восемь!

Варя. Это вы?!.. Мальчишка из дома восемь! Это ты?!.. погоди, так я же просто никогда не знала, что ты — Украинцев!

Глеб. А я сразу тебя разглядел. И даже не очень удивился тому, что ты здесь. Я почему-то всегда был уверен, что рано или поздно так непременно случится! Ты давно приехала?

Варя. Час назад!

Глеб. Отлично! А это чье варенье? Твое?

Варя. Общее.

Глеб. А ножа консервного нет?

Варя. Илья пошел добывать.

Глеб. Какой вздор! Сейчас мы ее мигом... (*Вытащил из кармана куртки плоскогубцы и одним быстрым движением сдернул крышку с банки.*)

Варя. Ловко.

Глеб. Небольшой технический опыт плюс аппетит. У меня после этих приступов невероятный, дьявольский аппетит.

Варя. А что с тобой было?

Глеб. Малярня. Илья придумал, что она какая-то особенная, тропическая... Просто он на мне экспериментирует... Страшно хочется спросить тебя о том, как ты сюда попала!..

Варя. Ну?

Глеб. Нет, я твердо решил играть роль человека, который все знает заранее. Буду мучиться, но молчать!.. Между прочим, иди есть варенье, а то ничего не останется!

Варя. Я малиновое не люблю. А я тоже обязана молчать и мучиться?

Глеб. Нет, зачем же.

Варя. Расскажи, как ты попал сюда?

Глеб (*уплетает варенье*). За последние пятнадцать лет... Одним словом, ты ведь уехала в Куйбышев, если не ошибаюсь?

Варя. Да, там отец работал.

Глеб. А я так и оставался в Севастополе. В конце войны поступил в Инженерно-строительный... Приехал сюда на преддипломную практику и застрял... Теперь заочно сдаю зачеты и воюю с левым берегом, с Татьяной Малевич, за переходящее знамя!

Варя. А ты кто?

Глеб (*важно*). Начальник строительного участка «Правый берег».

Варя. Начальник?!

Глеб. А у нас тут все такие начальники. Вроде меня. У нас только Фомичев — агент по снабжению — похож на настоящего начальника. А остальные все вроде меня.

Варя. А Мальцев?

Глеб. Так то — Мальцев! (*Помолчав.*) А возьми, например, ту же Таню Малевич или Симу Иваненко из горкома комсомола...

Варя. У вас даже горком есть?

Глеб (*ухмыльнулся*). У нас тут есть все, что полагается всякому уважающему себя городу! Города еще только нет, а все остальное есть!..

По реке прокатился раскат взрыва. Задребезжали стекла. Порывом ветра настежь распахнуло дверь.

Варя (*испуганно*). Что это?

Глеб. Не бойся. Это в каменоломнях — рвут камень. И во всех домах и бараках настежь разлетаются двери. Мы привыкли, и нам даже нравится...

На улице послышались торопливые шаги.

Варя. Илья!..

Глеб. Ну, Варенька, заступайся! Сейчас будет гром и молния!

Входит Илья. В одной руке у него чемодан, в другой — чайник и зонтик. Заметив Глеба, Илья останавливается на пороге и зловеще усмехается.

Илья. Та-а-к, любопытно!

Глеб (*умильно*). Илюша!

Илья. Я с тобой разговаривать не желаю! Тебе кто разрешил встать?! Молчи! Да ты знаешь, что полагалось в военное время за такие дела?

Глеб. Что?

Илья (*вдохновенно*). Расстрел полагался, вот что! Это же невыполнение приказа! Приказано было тебе лежать?

Глеб. Да, приказано.

Илья. Отправляйся.

Глеб (*покорно встал*). Обратно? В изолятор?

Илья. Да!

Глеб (*шепотом*). Варенька!

Варя. Илья, я очень прошу вас... Пожалуйте... Ну, пусть Глеб останется... Ему дома будет лучше...

Глеб. Правильно! Ты понимаешь, Варя, они в этом изоляторе повесили плакаты. В стихах. Насчет, извиняюсь, блох и прочего. Это же невозможно, Илья, выздоравливающему больному лежать и читать такие стихи!

Илья (*помолчав*). Как ты удрал?

Глеб. Я санитарку подкупил. Дал взятку — пачку чаю — и удрал.

Илья. Кто дежурит?

Глеб. Снницына.

Илья. Завтра выгоноу.

Глеб. Гонн. Давно пора. Она лентяйка и неряха.

Илья. Ладно! (*После паузы.*) Имей в виду — я тебе оставаться не разрешил. Можешь благодарить Варю.

Глеб (*подмигнул Варе*). Спасибо, Варенька.

Илья. Вот ваш чемодан, зонтик, чайник, консервный нож...

Глеб (*невинно*). А зачем нож, Илюша?..

Илья (*увидел пустую банку из-под варенья, уничтожающе посмотрел на Глеба*). Негодяй! С вами-то он хоть поделился?

Варя. Да, конечно.

Илья. Ты слышал, негодяй, Мальцев вернулся.

Глеб (*быстро*). Ну? Где он?

Илья. Лег спать и просил, чтоб его не беспокоили. Утром, в восемь, он собирает всех бригадиров.

Глеб. Есть.

Илья. Ты не очень-то бодрись! Это еще будет видно — пуцу я тебя или нет... Да, инженер!

Глеб. Что, доктор?

Илья. Радио твое испортилось — хрипит, заикается, ничего не слышно!

Глеб. Э-э, пропадете вы тут без меня!.. (*Забирается на табурет, снимает со стены репродуктор.*)

Илья (*Варе*). А вы почему такая притихшая?

Варя. Нет-нет, я не притихшая. Просто слишком много всякого хорошего сразу. Даже не верится и страшно чуть-чуть!..

Захрипели часы. Закуковала кукушка.

(*Нараспев.*)

Я спрошу у кукушечки,
Пусть в ответ прокричит она —
Сколько верст нам отмерено,
Сколько лет нам отсчитано.
Сколько?..

Тишина. Илья и Глеб засмеялись.

Глеб. Это часы, Варенька.

Варя. Неужели? Ну, совсем, как настоящая!

Глеб. Внимание, говорит Москва, — прошу! (*Включает репродуктор.*)

Звучит далекая музыка — вальс.

Варя. Идемте, Илья?

Илья. Идемте!

Илья и Варя встают.

Варя (*тихо*). Мне сегодня уже несколько человек сказали, что я хорошо сделала, приехав сюда. И, кажется, я сама скоро в это поверю!

Глеб. Пока вы собирались танцевать, музыка кончилась.

Варя. Разве? Жаль!

Илья. Ничего, я ведь все равно не умею!

Молчание.

Глеб. Светает.

Илья. Что?

Глеб. Я говорю — светает.

Варя и Глеб уселись рядом у окна. Глеб закурил. Слабый огонек папиросы освещает его усталое, взволнованное и счастливое лицо.

Илья (*тихо и убежденно*). Здесь будет город. Здесь будут улицы, площади, дома. И в домах — музыка. И никто никогда в нашем городе не заплачет от обиды, от несправедливости, от чужого зла!

Молчание. Прогудел поезд.

Варя. Поезд гудит. На полу чемодан, и мы сидим... Все очень похоже! Так садятся, когда уезжают в дальнюю-дальнюю дорогу. Обычай такой. Чтобы все помнить! Чтобы ничего не забыть!..

Илья. Дальняя дорога!.. (Негромко, слов-
но припоминая, запел.)

Протрубили трубачи тревогу,
Всем, по форме, к бою снаряжен —
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский сводный батальон!..

Варя и Глеб тихонько подхватывают.

До свиданья, мама, не горюй!
На прощанье сына поцелуй!

Все, что с детства любим и храним,
Никогда врагу не отдадим.
Лучше сложим головы в бою,
Защищая Родину свою!
До свиданья, мама, не грусти,
Пожелай нам доброго пути!..

Варя. Как странно! Откуда вы знаете эту
песню? Мы пели ее осенью сорок первого года...
(Тряхнула головой.) Ну, а теперь, надо встать!
Глеб. Встали!..

Варя, Илья и Глеб стоят рядом. Гаснет лампа.

В предзвездных сумерках расплываются очертания
комнаты, и снова начинает казаться, что это бесконеч-
ная дорога, по которой шагают — на смерть — девушка,
солдат и паренек. Удар грома.

Солдат (быстро).
Это вовсе не гром! Чепуха! Посмотри —
Видишь берег крутой, освещенный огнями?
До чего ж хороша она, черт побери,
Эта первая ночь, сочиненная нами!
Мы сидим — и гудят поезда за окном,
Очертила лицо в темноте папираса,
А кругом...

Паренек (внезапно).
Я столкну конвоира с откоса!

Вы бегите, бегите!..
Девушка.

Постой, ты о чем?..

Паренек (яростным шепотом).
Я о том, что нельзя нам сдаваться! Нельзя!
Я толкну — вон того толстомордого фрица —
И тогда вы бегите, бегите, друзья!
В эту ночь, в этот город, в родные края
Мы должны, мы обязаны с вами пробиться!
До откоса четыреста с лишним шагов.
Побежишь?

Девушка.

Побеги!

Паренек.

Ты готов?

Солдат.

Я готов!

Паренек.
До откоса четыреста с лишним шагов!
А пока — говори. Продолжай. Что потом?
Мы сидим — и гудят поезда за окном...
Что потом? Что же дальше?..

Девушка.

Везде и всегда!

Что бы ни было с нами — везде и всегда
Будем помнить, как рвется из плена вода,
Как обвалы грохочут по каменоломням,
Как из пепла пожарниц встают города!
Вы запомните, мальчишки?

Солдат.

Да, мы запомним!

Девушка.
Никогда не забудете?
Паренек.

Нет, никогда!..

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Хриплым лаем зашлись в темноте собаки, хлестнула
автоматная очередь, прогремел гром. И в то же мгнове-
ние снова, почти неправдоподобно — спокойно, негромко
и настойчиво сказал Паренек:

Паренек.
Продолжай. Что потом?
Солдат.

Это вовсе не гром!

Это паводка звон, кутерьма и кипенье!..

Девушка (быстро).
Нет, не так!..

Это в печке стреляют поленья
И февральская выюга гудит за окном!
Подтяни за плечами мешок вещевой,
Мы нес скоро вернемся домой из похода.
Мы идем, трубачи музыкантского взвода,
В мир огромный, прекрасный, суровый, живой!
Слышишь — выюга поземкою крутит во мгле?
Видишь — холода ломкий узор на стекле?
Это горькое горе на нашем пути,
Это то, что положено — в жизни пройти
И не дрогнуть!..

Барак номер шесть на пустыре, где будет площадь имени Парижской Коммуны. Гудит ветер, ровно, на одной низкой басовой ноте. Крутит поземка, и окна в бараке разрисованы четкими морозными узорами. Нетрудно догадаться, даже с первого взгляда, что здесь живут девушки — на грубом столе чистая нарядная скатерть, на стенах фотографии и за неимением гардероба завешанные простынями цветастые летние платья. В ряд стоят койки — с горками аккуратно взбитых подушек, с полотенцами и халатиками на спинках.

Поздний вечер. Потрескивают поленья в печке-временке. За стеной в соседней комнате кто-то неумело сбиваясь и начиная снова, играет на баяне вальс «Дунайские волны». Гудит за окнами ветер. Примостившись на низком табурете, у печки молча сидит Клава Халжибекова. Она задумчиво смотрит на огонь, положив на колени раскрытую клеенчатую тетрадь. Варя, кутаясь в теплый платок, ходит по комнате.

Варя (диктует). «Деепричастием в русском языке называется отглагольное наречие, определяющее отношение действия, им обозначаемого, к другому действию...»

Клава (вздыхнула). Та-а-ак!

Варя. Написала?

Клава (не сразу). Нет. Ты извини, я прослушала.

Варя. Повторить?

Клава. Не стоит. Ничего все равно в голову не лезет.

Варя. Ну, как хочешь. (Села к столу, достала иголку и нитки и принялась зашивать дырявые рукавицы.)

Клава (задумчиво). Страшно! Неужели нельзя ничего сделать?

Варя. Илья говорит, что ей сегодня гораздо лучше.

Клава. Четвертая неделя уже — шутка сказать!.. Прямо думать об этом не хочется!

Варя. А ты не думай.

Клава. Я и не думаю.

Молчанье. Ветер гремит наружными ставнями.

Варя. Чайник не закипел?

Клава. Нет, я только поставила.

Варя. Нам к которому часу?

Клава. Вернется измайловская бригада, тогда мы пойдем. Очень ветер сильный. И снег. Столько его намело, что кажется, убирай всю жизнь — и то не убрать! (Помолчав.) А девочка хорошенькая, правда?

Варя (откусила нитку). Да, девочка хорошенькая. Сима хочет ее назвать Машенькой.

Клава. Машенькой?! (Улыбнулась.) Это ничего. Это подходящее имя — Машенька!

В дверь стучат.

Варя. Да?

Отряхиваясь от снега, входит Мальцев. Он останавливается на пороге, с трудом стягивает рукавицы, вытирает платком запорошенное лицо.

Клава (вскочила). Иван Александрович!

Мальцев (отдуваясь). Вот это метет!

Добрый вечер!

Варя. Добрый вечер, Иван Александрович!

Мальцев. Проезжал сейчас мимо больницы — там почему-то очень ярко освещены окна. Такой, знаете, плоский, неприятный свет. Там ничего не случилось?

Варя (встрепенувшись). Не знаю.

Мальцев. Где Илья?

Варя. У Симы. Ей сегодня лучше, Иван Александрович.

Мальцев. Говорят. Да ведь и пора бы, как вы считаете, а? Давным-давно пора! (Помедлив.) Ну-с, надо мне идти и не хочется!

Варя. А вы раздевайтесь, Иван Александрович. Закипит чайник, будем чай пить.

Мальцев. Нет-нет, надо идти. (Поехил.) На улице метет! Мороз градусов этак тридцать пять. Нам уралыцы оборудование в подарок везут — и вот застряли где-то в пути. Целая колонна машин.

Клава. Завьюжило.

Мальцев. Да, наверное. А у вас хорошо. Тепло. (Присел на корточки около печки, поворошил угли, вытащил тлеющую головешку, повертел ее в руках и сунул обратно.)

Клава. Руки перемажете, Иван Александрович.

Мальцев. А вот печку вы, девицы-красавицы, топить не умеете.

Клава (неожиданно обиделась). Почему это — не умеем? А вы умеете?

Мальцев. А я умею. (Приподнялся, отряхнул руки.) Да, между прочим, Варя, вы давно не имели вестей от Глеба?

Варя. Давно.

Мальцев (покачал головой). Хорош! Уехал в Москву защищать диплом и пропал! Загулял он там, что ли? Вкатим ему строгий выговор, тогда будет знать! (Снова натянул рукавицы.) Ну, до свиданья!

Варя. До свиданья. А то оставайтесь, Иван Александрович.

Мальцев. Нет-нет. Не искушайте меня, не могу.

Варя. Жаль.

Мальцев (пошел к дверям, медленно

обернулся). Так вы совершенно точно уверены, что там ничего не случилось?

В а р я. Нет, кажется.

М а л ь ц е в (*взволнованно и негромко*). Очень как-то неприятно подействовал на меня этот мерзкий свет в окнах!

В а р я. Ну, что вы, Иван Александрович?! Там ведь всегда ярко горит свет.

М а л ь ц е в. Может быть! (*Сдвинул брови.*) У меня, понимаете, дочка умерла от такой же истории. После родов. Я помню, поздно вечером вернулся домой, вошел и увидел — во всех комнатах горел свет, пахло эфиром и... Но ведь Симе лучше, да?

В а р я. Да!

М а л ь ц е в. Правильно. Ну, будем надеяться!

М а л ь ц е в кивнул и вышел. Молчание.

К л а в а (*тихо*). Волнуется. Я думала, он и не умеет-то волноваться, а у него прямо руки дрожат, ты заметила?

В а р я. Он очень любил Симу.

К л а в а. Любил?

В а р я (*раздраженно*). Любит! Любит! Что ты придираешься к словам?!

К л а в а. Я не придираюсь.

В а р я (*не сразу*). Извини.

Молчание.

К л а в а. А может, добежать все-таки до больницы, узнать, что там?!

Внезапно с улицы кто-то сильно и часто забарабанил в окно.

В а р я (*вздрогнула*). Кто это?!

К л а в а. погоди! (*Вскочила, подбежала к окну, прижалась лицом к замерзшему стеклу.*)

В а р я. Ну?

К л а в а. Не видно ничего.

Распахивается дверь.

В а р я. Кто там? Кто там, в конце концов?!..

В комнату с чемоданом в руках вбегает человек. Это Глеб. Он кажется огромным — в длинной меховой куртке, в высоких бурках, запорошенный снегом и задыхающийся от радости.

Г л е б. Варенька!..

В а р я. Кто это?.. Глеб??! Глеб! (*Бросилась к Глебу, обняла его, закружила.*)

Г л е б (*отбиваясь*). Постой-постой, дай мне меха-то скинуть! Я ж холодный еще!.. Фу-у-у!..

В а р я. Господи, как ты нас напугал! Откуда ты?

Г л е б. Прямо из Москвы.

В а р я. А мы и не ждали тебя еще.

Г л е б. Вот и хорошо, что не ждали! Здравствуйте, Клава!

К л а в а. Здравствуйте, Глеб Васильевич, с приездом!

Глеб скинул куртку, размотал шарф и уселся смаху на Варину койку.

Г л е б. Можно, Варенька?

В а р я. Можно-можно, так уж и быть. Ну, рассказывай.

Г л е б (*улыбаясь*). А что рассказывать?! На защите, как оно и водится, я мекал и бекал, перепутал имена-отчества всех моих оппонентов, Тамару Сергеевну Строганову назвал почему-то Павлом Михайловичем... Одним словом, все как полагается!

В а р я. А диплом?

Г л е б. А диплом мне все-таки выдали. И даже с отличием. Я вам его потом покажу — он у меня в чемодане, в самом низу...

Клава встает, торопливо натягивает полушубок.

В а р я. Ты куда?

К л а в а. Я пойду Федора приведу, ладно?

Г л е б. Разумеется. Тащите его сюда... Да, стойте, минутку! (*Открыл чемодан, поднял крышку, вытащил какую-то толстенную книгу и протянул Клаве.*) Прошу! Подарок по специальному заказу — самая толстая, скучная и непонятная медицинская книга, какую мне удалось разыскать в Москве. Так и спрашивал в магазинах — дайте мне самую толстую и скучную книгу!..

К л а в а (*восторженно*). Ой, Глеб!

Г л е б. Бегом, тащите Платонова!

К л а в а убегает. Молчание.

(*Встал, подошел к Варе, улыбаясь, протянул руку.*) Ну, Варенька!

В а р я. Ну, Глеб.

Г л е б. Показывайся.

В а р я. Я все такая же.

Г л е б. Да, все такая же. Все такая же разная. Ты никогда не бываешь одинаковой. И это ужасно неудобно — вспоминать о тебе трудно.

В а р я. А ты вспоминал обо мне?

Г л е б (*усмехнулся*). Случалось... Ну, про себя я не спрашиваю — я черный, страшный, худой.

В а р я. Нет, ты ничего...

Г л е б (*засмеялся*). Вот в этом ты неизменна — ты всегда считала, что я ничего! Черт возьми, ты знаешь, я только в поезде понял, как я по вас соскучился! В пути заносы, тащились мы еле-еле, и меня все время так и подмывало

соскочить и бежать пешком... Слушай, а Сима уже поднялась?

В а р я. Нет.

Г л е б. Все еще нет?

В а р я. Ей было очень плохо, Глеб! Так плохо, что мы тут все просто голову потеряли!

Г л е б. А Илья?

В а р я. Вот уже месяц, как он не отходит от нее. Он и сейчас там. Надеется.

Г л е б (растерянно). Вот как?! А я глобус ей привез.

В а р я. Зачем?

Г л е б. Не знаю. Ей почему-то очень хотелось иметь глобус. Вот я и привез. Кто у нее родился-то?

В а р я. Девочка.

Г л е б (опустился на колени возле раскрытого чемодана, вытащил большую пластмассовую погремушку, огорченно посмотрел на Варю). Купил, понимаешь, какую-то ерунду. Погремушку. Я думал — мальчик.

В а р я (засмеялась). Глебушка, так какая же разница?!

Г л е б. Нет разницы? Ну, тем лучше! (По порядку начинает выкладывать содержимое чемодана на стол.) Вот это, стало быть, глобус для Симы. Медицинский прибор для Ильи. Названия его я, конечно, не помню. Кажется, он для измерения кровяного давления. Мундштук — Феде Платонову...

В а р я. А он бросил курить.

Г л е б (со смешком). Начинается семейное счастье! Ну, Сережке Галаю подарю. Или Дорохову. Затем имеется самопишущая ручка — для Мальцева. И, собственно говоря, на этом все мои богатства кончаются. Себе я привез готовальню, а тебе, извини, конечно, тебе я привез вот эту дурацкую палехскую шкатулку. Продавщица меня уверяла, что она для писем, а я подозреваю, что она для папирос!.. (Небрежно вытащил из чемодана огромную великолепную палехскую шкатулку, протянул Варе.)

В а р я (искренно). Глебушка, милый, это совершенно чудесный подарок! Спасибо тебе! Это как раз такая шкатулка, о которой я мечтала. И она вовсе не для папирос и не для писем, а для рукоделия. А то я втыкаю иголки в подушку, забываю об этом и потом хожу с расцарапанными щеками! (Раскрыла шкатулку и внезапно удивленно подняла на Глеба глаза.) Ой, Глеб, а это что? Часы и колечко! Это кому, Глеб?

Г л е б (помедлив, с трудом). Это, Варенька, тоже тебе.

В а р я. Мне?! Ты сошел с ума!

Г л е б (теряясь все больше и больше). Не сердись... Я хотел... Я думал... Ну, в общем, я хотел, чтоб это все было как бы свадебный подарок!

В а р я. Ты знаешь?!

Г л е б. Что?

В а р я. Откуда ты знаешь?! Тебе Илья написал?

Г л е б. О чем?!

В а р я. Ах, Глебушка! (Обняла Глеба, поцеловала, взлохматил волосы.)

Г л е б (очень тихо). Варя!

В а р я. Ты понимаешь, мы хотели устроить свадьбу под Новый год. Но тут как раз Симе стало плохо и ты прислал телеграмму, что задерживаешься...

Г л е б. Чью свадьбу?

В а р я. Нашу.

Г л е б (помолчав). Ты извини, но с дороги и с мороза я, вероятно, туго соображаю! Нашу?

В а р я (кивнула). Нашу. Ну, мою с Ильей. Мы хотели устроить ее под Новый год. А потом я сказала, что до тех пор, пока ты не вернешься, никакой свадьбы не бывать! И мы решили хранить все это в страшной тайне до твоего приезда... А ты откуда-то узнал... И не ты один... Так что никакой тайны не получилось! (Улыбнулась.) Теперь ты уже начал соображать?

Г л е б (тихо). Да, начал.

В а р я. Что же ты не хвалишь меня за то, что я такой хороший друг?!

Г л е б (встал, резко ногой отшвырнул табурет, снял с гвоздя свою куртку, секунду постоял молча и неподвижно, обернулся). Спасибо.

В а р я (с удивлением). За что?

Г л е б. За то, что ты такой хороший друг. А я скверный друг. Еле удержался, чтобы не наговорить тебе грубостей, не уйти и не хлопнуть дверью! Ну, ничего, обещаю исправиться!

В а р я. Я не понимаю... Ты о чем, Глеб?

Г л е б (просто). Я тебя очень люблю, Варенька.

В а р я. Я тоже.

Г л е б (усмехнулся). Верю. Только не так. Я действительно очень тебя люблю.

В а р я (испуганно). Глеб.

Г л е б (быстро). Молчи. Ведь это уже старая история, Варенька. Еще в Севастополе, мальчишкой, когда ты уехала, я чуть не каждый вечер ходил на вокзал и встречал поезда — от туда. И писал тебе письма, запечатывал их в бутылки и зашвыривал в море. И, может быть, они до сих пор еще где-нибудь плавают — эти мои письма к тебе... Ты не сердись на меня! Я

очень, очень тебя люблю. И я никогда не надоедал тебе своей любовью, правда? Но сегодня я должен это сказать — для того, чтобы завтра ты не смела помнить ни одного моего слова!

В а р я. Глеб!

Г л е б. Не хочу... Понимаешь, не хочу сидеть сычом на вашей с Илюшкой свадьбе. Ну, знаешь, таким отвергнутым идлотом, играющим в благородство, у которого все спрашивают, что с ним, а он скорбно молчит, а потом, напившись, запирается и рыдает в ванной комнате. Не хочу так! Слишком много вы с ним для меня значите! Очень тебя люблю, Варенька, и пусть уж это будет еще одной страшной тайной — нашей с тобой!

В а р я. Глеб!

Г л е б. Что?

В а р я. Я не думала... Я не знала... Нет, неправда, я, разумеется, знала, но только мне казалось, что у тебя давным-давно все прошло!

Г л е б (с невеселой улыбкой, покачал головой). Это не грипп, Варенька. Только ты, пожалуйста, не смотри на меня такими испуганными глазами и не жалеи. Нет на свете болезни хуже несчастья! И я не позволю себе быть несчастным. Вот увидишь, что я сумею...

Бегом возвращается Клава. С сияющим лицом она останавливается на пороге и широко распахивает дверь.

К л а в а. Идут!

Г л е б. Федор?

К л а в а. И Федор. И Сережка Галай. Ох, уж и рады!

Молчание.

Г л е б. Где же они?

К л а в а. Идут, идут. Их девчата в сенях задержали — заставили снег отряхивать. Сейчас будут!..

Молчание. Там, за раскрытой дверью, в темноте коридора, происходит нечто странное — слышны испуганные негромкие голоса, чей-то короткий возглас, завывание ветра.

В а р я. Что там такое?!

Г л е б. Эй, Федор!

Молчание. И вот, наконец, притихшие и растерянные, появляются в дверях Платонов, Сережка Галай, Таня Малевич и вместе с ними рыжеволосая, с круглыми голубыми глазами на кукольном личике Зойка Рогожина и долговязая, нескладная, молчаливая Нина Максименко.

К л а в а. Где вы пропали, Федор?

Молчание.

В а р я. Что случилось? Говорите! Ну, говорите же!

Г л е б. В чем дело?

Молчание.

Т а н я (тихо). Вот что... Сима Иваненко умерла!

К л а в а (крикнула). Нет!

Т а н я. Да. Сейчас. Десять минут назад. (Залакала).

Молчание. И опять становится слышно, как свистит за окнами ветер, а за стеной, в соседней комнате, кто-то неумело разучивает на баяне пьесу «Дунайские волны».

Г а л а й (постучал в стенку). Михей, прекрати!

Баян умолк.

В а р я. Этого не может быть!.. Это какая-то чепуха! Все же говорили, что ей сегодня гораздо лучше!.. Этого не может быть!

З о й к а. Не может быть?!.. (Всхлипнула и вдруг, сжав кулаки, двинулась на Варю, бесвязно выкрикивая.) Ты-ты... Это все ты... Все ты виновата... Мы послали тебя... Ты первой поехала, чтобы узнать... Что ты нам написала? Что?..

П л а т о н о в. Потихе, Зойка!

Н и н а (угрюмо). Чего — потихе? Она правильно говорит.

З о й к а (распалаясь). Что ты нам написала?! Здесь хорошо — и климат хороший, и народ, и работа по специальности... Где она, твоя работа? Не мы учим — нас учат! Материться нас учат, землю кайлом долбить, глину месить, кирпичи класть... Ты на руки мои взгляни! Ты помнишь, какие у меня были руки?! А теперь я письма написать не могу — пальцы поморожены... Не желаю так больше! Не желаю — и все тут!..

В а р я (тихо, со сдержанной силой). Что ты кричишь? Хочешь уехать домой? Уезжай, пожалуйста!.. Вот твои вещи... Вот... И вот... И вот...

Н и н а. Ты не мни. Это мои вещи.

В а р я. Можете уезжать. Хоть сейчас. Никто вас не держит. Уезжайте! Но только запомните — когда мы построим наш город, мы запишем в «Книгу почета» имена всех строителей, а в «Книгу позора» имена всех тех, кто трусил и убежал... И мы не забудем никого, не надейтесь, мы ни одного имени не пропустим! Уезжайте, ну! Что же вы стоите?..

Молчание. Быстро входит Илья. Все испуганно обернулись к нему.

Г л е б. Илюшка!

И л ь я (*хрипло*). Глеб? Вернулся? (*Развел руками.*) А у нас — вот!.. (*Как-то странно смотрелся. Сел на табурет у печки. Закрыв лицо руками.*)

П л а т о н о в (*осторожно*). Ты послушай, Илья... А, Илья!

В а р я (*резко и решительно подошла к двери. Негромко*). Уйдите, товарищи. Прошу вас. Уйдите.

Короткая пауза, а затем — торопливо, стараясь почему-то не смотреть друг на друга, все уходят. Варя плотно прикрывает дверь, подходит к Илье. Тонко запел чайник. Варя сняла его с огня, перенесла на стол.

И л ь я (*не поднимая головы*). Что? Все ушли?

В а р я (*спокойно*). Да, все ушли.

И л ь я. И Глеб?

В а р я. И Глеб ушел. Сними пальто, Илюша, жарко у печки.

И л ь я. Нет... Не имеет смысла...

В а р я. Ты озяб? Сейчас я налью тебе горячего чаю.

И л ь я. Не надо. Не хочу.

В а р я (*взяла с подоконника большую фарфоровую кружку, поставила ее перед Ильей, налила чаю*). Выпей, милый. Ты ел?

И л ь я. Понимаешь, Варенька...

В а р я (*строго*). Не надо, Илья. Давай посидим молча. Согрелся немного?

И л ь я. Да.

В а р я. Еще налить чаю?

И л ь я. Пожалуй. Только чуть-чуть. Полкружки. Понимаешь, Варенька...

В а р я. Что, милый?

И л ь я. Ничего... Потом!..

Входит Мальцев.

М а л ь ц е в (*Варе*). Тут?

Варя молча, глазами, показала на Илью. Мальцев подошел, положил руку Илье на плечо.

И л ь я (*обернулся*). Иван Александрович?

М а л ь ц е в. Сиди-сиди.

И л ь я (*волнуясь*). А я сам собирался к вам... Хотел поговорить... Мне, очевидно, придется уехать отсюда в ближайшее время...

М а л ь ц е в. Куда?

И л ь я. Это не имеет значения... Куда-нибудь... Неважно — куда!.. Вы поймите — мне бесконечно тяжело, Иван Александрович...

М а л ь ц е в (*тихо*). Нам всем бесконечно тяжело.

И л ь я. Да, я знаю. А мне — вдвойне. Потому что вы все верили в меня, а я оказался

мальчишкой, бездарью, неучем, который ни черта не смыслит и ничего не умеет! Вот уеду куда-нибудь на край света...

М а л ь ц е в. А ты полагаешь, что на краю света нужны мальчишки и неучи? Ошибаешься!

И л ь я. Поймите — я сделал все, что было возможно!

М а л ь ц е в. И что же?

И л ь я. Но ведь это никому не докажешь! И как, скажите мне, как я смогу завтра пойти на прием?!.. Какими глазами буду я смотреть на людей?!.. Я обманул их, всех обманул, и они...

М а л ь ц е в (*перебил, тихо и резко*). Ну, вот что — перестань говорить глупости! Завтра ты пойдешь на прием, слышишь?! Это твое место в строю! И ничто — запомни это хорошенько — ничто, никакая беда не сможет оправдать твоей трусости! Тяжело? Да, понимаю. Что поделаешь?! Мы еще не в силах избавить людей от страданий и смерти. Но будем учиться, Илья... И пусть не мы — пусть другие, те, которые придут следом за нами, научатся этому... А мы начнем! И ради одного этого, черт побери, стоит жить! Правда? (*Усмехнулся.*) А на край света — это, Илья, чепуха! Это только так кажется, что легко — сел да поехал!..

Быстро входит Таня Малевич.

Т а н я. Иван Александрович!

М а л ь ц е в. Что такое?

Т а н я (*негромко*). Обвал на верхнем карьере.

М а л ь ц е в (*спокойно*). Да, знаю. Мне звонили. Туда посланы люди.

Т а н я. Не в этом дело — оттуда ребят привезли. В больницу. Павлову с Томилиной вдвоем не справиться. Я сказала, что Илья не может сейчас прийти, но они говорят, что им вдвоем не справиться!

Илья посмотрел на Мальцева, резко встал.

И л ь я. Хорошо, я иду... Собственно, почему ты сообщаем мне об этом, а не дежурная сестра? Где она?

Т а н я. Ее отпустили. Она очень плакала, и ее отпустили.

И л ь я (*гневно*). Плакала?! Что за бессмыслица?! Дежурная сестра плакала, и ее отпустили?! Кто ее отпустил? Какого дьявола они там распоряжаются без меня?!..

В а р я (*быстро*). Я провожу тебя, Илья, хочешь?

И л ь я (*мгновенно остывая*). Да, очень хочу. Спасибо.

Варя накинула тулупчик, повязала голову пушистым платком.

Т а н я (*вытащила из кармана смятый конверт*). И вот еще... Я встретила Фомичева — пришла почта.

Илья взял из руки Тани конверт, медленно прочитал адрес и медленно, на мелкие клочки, деловито и старательно разорвал письмо.

М а л ь ц е в. В чем дело?

И л ь я. Это письмо Симе. От Бельчикова. Я бы все равно, все равно я не отдал бы ей это письмо!

В а р я. Идем, Илья.

И л ь я. Идем.

Илья и Варя уходят. Мальцев посмотрел им вслед, прошелся по комнате.

М а л ь ц е в (*задумчиво*). Надо будет позвонить в обком... Впрочем, я сам это сделаю! А вы, как член горкома, поразмыслите вот о чем... (*Рассеянно взял со стола глобус, привезенный Глебом в подарок Симе. Сильным ударом ладони закрутил его и молча стоит, смотрит, как мелькают раскрашенные яркими красками материк и моря.*)

Т а н я. О чем, Иван Александрович?

М а л ь ц е в (*поставил глобус на место, сказал сухо, по-деловому*). Надо бы привлечь новых людей к работе в горкоме. Что вы скажете, к примеру, о Федоре Платонове?

Т а н я (*тихо и удивленно*). О Федоре Платонове?

М а л ь ц е в. Да. А почему это вас так удивило? Он бывший фронтовик, офицер, отлично работает...

Т а н я. Нет, меня удивило не это... Меня удивило другое...

М а л ь ц е в. Что же именно?

Т а н я (*звонким от волнения голосом*). Меня удивило... Я не понимаю, Иван Александрович, как вы можете говорить об этом сейчас?! Как вы можете думать об этом?! Когда часа еще не прошло и...

М а л ь ц е в (*перебил, очень спокойно*). А когда же прикажете думать? Завтра? Завтра может быть поздно! Ведь мы сами пишем в отчетах и сводках — фронт работ! А на фронте никогда и ничего откладывать на завтра нельзя! (*У него неожиданно дрогнул голос, и он на мгновение замолчал.*) Я пойду работать — вы скажите товарищам, чтобы не беспокоили меня зря. (*Уходит.*)

Таня одна. Она бесцельно прошлась по комнате, поправила складку на одеяле, потрогала чайник, остановилась у окна. В дверях появляется Глеб.

Г л е б. Варенька!

Т а н я (*не оборачиваясь*). Нет, это я — Татьяна.

Г л е б. А-а! Ты чего тут одна?

Т а н я. Так.

Г л е б (*помолчав*). Слушай, кстати, мне Галай Сережка сказал — ты собираешься строить времянки для ИТР и семейных?

Т а н я. Собираюсь.

Г л е б. Ты их не будешь строить.

Т а н я. Почему? Это же временно, Глеб, до осени.

Г л е б. Времянки строятся навсегда. Могут рухнуть пирамиды, а времянки будут стоять... Короче говоря, на ближайшем совещании у Мальцева я обещаю тебе крупный скандал!

Т а н я (*устало*). Не пугай, я привыкла. Мы с тобой живем, как собака с кошкой. Нас одна только Сима и умела мирить. А теперь... (*Стиснула зубы, махнула рукой.*) Не могу я об этом! Не могу! (*После паузы.*) Расскажи, что в Москве? В институте был?

Г л е б. Конечно.

Т а н я. А я на днях, как раз, вспоминала прощальный вечер нашего выпуска. Ты помнишь?

Г л е б. Еще бы! Не перестаю до сих пор удивляться, как это я, мелюзга-младшекурсник, получил приглашение?!

Т а н я (*без улыбки*). Случайно.

Г л е б. Да, вероятно.

Т а н я. Очень было весело, правда? Профессор Крамов захмелел, целовался со всеми девушками по очереди и кричал, что он женоненавистник. А потом мы с тобой потихоньку удрали... И это ты помнишь?

Г л е б. И это я помню...

Внезапно за окнами настойчивый и резкий автомобильный гудок. Поплыл по стенам яркий свет фар, зашумели голоса.

Г л е б (*прислушиваясь*). Машины... Да много их! Это чьи машины, Татьяна? Наши?

Т а н я. Непонятно.

Яростно бухнув дверью, в комнату влетает человек в ватнике, в шапке-ушанке, сбившейся на затылок. Это шофер. Он останавливается, растирая рукавицей замерзшее лицо.

Ш о ф е р (*громко и хрипло*). Кто тут принимать-то будет, а?

Т а н я (*резко*). Дверь закройте! Вы кто?

Ш о ф е р. Водитель... Шофер в общем!

Таня. Зачем вы кричите?
Шофер (со злостью). А затем я кричу, что я от мороза оглохши, вот зачем! Кто будет принимать?

Таня. Что принимать?
Шофер (окончательно разозлившись). Да уральцы же мы! Вы телеграмму от нас получили?

Таня. Да, телеграмму мы действительно получили.

Шофер. Ну вот — а спрашиваете! Уральцы мы. Подарки вам привезли, будьте вы тут все неладны! Оборудование и прочее!

Таня. Уральцы?! (Вдруг радостно подбежала к шоферу, стащила с него шапку, обняла и расцеловала.)

Шофер. Ну, ладно, ладно, ладно.

Таня (почти весело). Глеб, да это же — девушка!

Шофер (застеснялась). Ну, девушка... А что? Опоздали мы очень, да?

Таня. Милая вы моя! Если бы вы только знали, как вовремя вы приехали! Идемте!

Таня схватила шофера за руку. И, уже уходя, в дверях, они сталкиваются с Варей.

Варя. Что такое? Куда?

Таня. Машины разгружать — уральцы приехали!

Таня и шофер ушли. Варя скинула тулупчик, поправила волосы, обернулась к Глебу.

Варя. Ты давно ждешь, Глеб?

Глеб. Нет.

Варя. Извини, что так вышло.

Глеб. Не надо передо мной извиняться. Где Илья?

Варя. Идет.

Глеб. Что же все-таки будет с девочкой, а?

Варя. Не знаю.

Глеб (задумчиво). Да-а, очень все это неожиданно, и горько, и глупо...

Быстро входит Илья. Карманы пальто оттопыривают какие-то пакеты и пузырьки. В руках у Ильи большущий сверток, который он бережно прижимает к груди.

Варя. Илья!

Илья (шепотом). Я притащил ее сюда... Там очень шумят, и плачут, и вообще — пусть она лучше побудет до утра здесь... Мальцев звонил в область — они обещали прислать хорошего педиатра. Вот тут — бутылочки с верисом... Их нужно будет слегка подогреть. Часа через полтора она, вероятно, проснется и захочет есть. (Возится с девочкой, устраивает ее на Вариной кровати, пододвигает лампу, вы-

таскивает из карманов пакеты и пузырьки, расставляет их на столе.)

Подошли Варя и Глеб. Наклонились над девочкой, смотрят.

Глеб (тихо). Как ее зовут?

Варя. Машенька.

Глеб. Машенька!

Молчание. Метет за окнами метель. Потрескивает печь.

Какая она маленькая!

Илья. Ей четыре с половиной недели.

Глеб. Солидный возраст!

Илья. Да, солидный.

Варя. Ничего, она еще станет большой, взрослой-взрослой... Ты еще станешь большой, Машенька! И я обещаю, что, если ты захочешь, я научу тебя всему, что знаю и умею сама... Это совсем немного, но ведь это будет только твоим началом! А потом, через много лет, наступит такой день, когда ты придешь ко мне смущенная и тихая, и очень гордая, и вытатишь свой собственный новый комсомольский билет!.. И мы помолчим!.. Спи, маленькая!..

Илья. А я обещаю, что помогу тебе вырасти веселой, здоровой и крепкой! Ты будешь спать в комнате с открытыми окнами и не простужаться! Ты никогда не узнаешь даже вкуса всех этих противных порошков и пилюль!.. Спи, маленькая!

Глеб (подошел ближе). Дайте-ка мне ее сюда.

Илья. Осторожней! Ты не сумеешь ее держать!

Глеб (почти грубо). Дай сюда! (Поднял девочку на руки.) Ты будешь со мной, Машенька. Вдвоем. И я научу тебя не плакать. И не бояться темноты, боли и холода. И ходить босиком. И переплывать нашу реку — туда и обратно. И любить все то, что опасно, трудно и увлекательно! А когда-нибудь мы поднимемся с тобой, Машенька, в горы — высоко-высоко, на самую снежную вершину, встанем рядом вдвоем и посмотрим вниз — на наш с тобой удивительный мир!.. Спи, маленькая!

Молчание. Тонкий голубоватый луч скользнул через окно в комнату, задержался на мгновение и исчез.

Варя. Что это?

Глеб. Прожектор. Далеко — на границе.

Варя. А кажется, совсем рядом. Над самым берегом.

Прогудел поезд.

Глеб (с Машенькой на руках). Вот и поезд гудит.

Илья. Поезд гудит.
Варя. Поезд.

Они сказали это почти одновременно и с недоумением
посмотрели друг на друга.

Скорей, загадайте желание!

Глеб. Зачем?

Варя. Такая примета. Если сказали разом
одно слово — надо тут же скорей загадать же-
лание. И оно сбудется. Встаньте, мальчики!

Илья. Встали!

Варя, Илья и Глеб стоят рядом. Медленно гаснет свет.

Варя (*тихо*). Самое большое, самое завет-
ное желание! Ты загадал, Глеб?

Глеб. Я загадал.

Варя. А ты, Илья?

Илья. Загадал.

Варя. И я загадала!..

Темно. В темноте — автоматная очередь, собачий лай,
хриплый голос, выкрикнувший какую-то команду. Человеческая армия — женщины, старики и дети — дрогнула
и остановилась. Остановились Девушка, Солдат
и Паренек.

Паренек (*увлеченно*).

Я тебя не отдам — ни за что, никому!

Я тебя пронесу через холод и тьму,

Через беды и грозы — до горных снегов!.. (*За-
молчал, огляделся.*)

Нам осталось, я думаю, триста шагов.
Побежишь?

Девушка.

Побегу!

Паренек.

Ты готов?

Солдат.

Я готов!

Паренек.

А пока — говори! Продолжай! Что потом?

Девушка.

Мы над спящею девочкой встали втроем.

Где-то глухо, за выюгой, гудят поезда.

Ветер окна заносит поземкой седую.

Стоит жить! Если даже нагрянет беда —

Надо жить, для того, чтобы драться с бедою!

Паренек (*упрямо*).

Продолжай! Что же дальше?

Девушка.

Везде и всегда,

Что бы ни было с нами — везде и всегда

Будем помнить метели, февраль, холода,

Как за выюгой глухо гудят поезда,

Как взлетает прожектор над берегом темным,

Как приходит беда, как уходит беда...

Вы запомните, мальчики?

Солдат.

Да, мы запомним!

Девушка.

Никогда не забудете?

Паренек.

Нет, никогда!..

Занавес

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Они шли, и останавливались по команде, и снова шли
вперед — туда, где в темноте раздавался по временам
сухой и отрывистый треск выстрелов. Но теперь они уже
не прислушивались — ни к этим выстрелам, ни к лаю
собак и детскому плачу, не замечали колючей лагерной
проводами и безмолвных конвоиров с автоматами наиз-
готовку. Увлеченно, сквозь стиснутые зубы, перебивая
друг друга, они продолжали говорить — о тех, других,
таких же, похожих, — которым суждено прожить жизнь
так, как мечтали они.

Паренек.

Мы запомним, как глухо гудят поезда,
Мы запомним — поземку, февраль, холода,
Как тревожно колотится сердце в груди...

Девушка (*перебила*).

Нет, постой, это все позади! Погляди —

Отступают от берега сосны и ели,
И в краю, где военные выли метели,
Город юности нашей встает! Узнаешь?
Он теперь не догадка, не план,

не чертеж,

Он живой! Он торопится — вслед за мечтой!

Вот и мы понемногу становимся старше.

И шагают мальчишки в торжественном марше

По проспектам, придуманным нами с тобой!

Узнаешь этот город?!

Паренек.

Взгляни же, взгляни!..

Загораются — первые — в доме огни!

Отворяется — первая — с грохотом дверь!

Что теперь?..

Солдат.

Дай-ка я расскажу — что теперь!

Ночь полна волшебства, кутерьмы и чудес —

Как тогда, перед паводком, ранней весною.
В новом доме прохладно и пахнет сосною,
И кукушке в часах вспоминается лес.
И опять, как тогда, мы собрались втроем,
И огни — за рекой, над рекой и кругом.
Узнаешь этот город?!

Светлая ночь начала сентября. Прозрачная синева и золото ранней осени. Площадка над рекой, у спуска к набережной, перед первым в городе кварталом жилых домов. Дома стоят пока еще темные, свет в окнах не горит, двери парадных закрыты, но они уже готовы к приему новоселов. Прямо под открытым небом, перед домами и вдоль набережной тянутся бесконечным рядом столы, стулья, шкафы, кресла, кровати — с привязанными к ним картонными ярлыками, на которых обозначены номер дома, квартиры и фамилия владельцев. И как только начнет светать, все это хозяйство двинется с громом и грохотом занимать свои места, и бывшие обитатели бараков и палаточных городков — лучшие из лучших, получившие первые ордера, — торжественно въедут в свои новые квартиры.

В эту ночь, разумеется, никто не спит. Люди, задрав головы к своим будущим окнам, бродят по набережной, шумят, спорят, поют песни. Худенькая девчушка, закутанная до самых бровей в теплый платок, сидит на круглом столе, свесив ноги, и держит в руках огромную клетку с канарейкой. Глеб Украинцев, дымя папирской, лежит на чьей-то раскладушке и, улыбаясь, мечтательно провожает глазами плывущие по небу легкие предрассветные облака. Неподалеку от Глеба расположилась шумная компания девушек. В центре ее очень нарядный Сережка Галай с гитарой в руках. Девушки поют, а Зойка Рогожина дирижирует, размахивая суповой ложкой:

С первым утренним лучом,
Раз и два, и три, четыре,
Мы поедem в новый дом,
Будем в новой жить квартире!
Ты прости-прощай, болото!
Ты прости-прощай, барак!
Нам без мусоропровода
Невозможно жить никак!..

Глеб (отбросил папиросу). Послушайте, братцы, побойтесь бога! Что за ахиною вы поете?

Нина Максименко (важно). Это не ахиная, Глеб Васильевич. Это наше собственное коллективное сочинение. Вам не нравится?

Глеб. Не нравится — это не то слово!

Галай. Девушки, нас не поняли! Пошли петь вниз, к реке!

Глеб. Вот-вот, чрезвычайно разумное решение.

Зойка. Глеб Васильевич, только у меня к вам тогда просьба — проследите за нашим шифоньером, хорошо? Это ж, понимаете, очень ценная вещь — красное дерево. Если мне кто его поцарапает — я с того голову сниму!

Глеб. Ладно, послежу.

Нина (на ходу). Товарищи, а это чья девочка? Девочка, ты чья?

Девочка (тоненьким голосом). Фомичева.

Нина. А-а-а, Сергея Семеновича!

Галай. Пошли, пошли!

Девушки и Сережка Галай уходят. Они переговариваются, смеются, снова затягивают песню

Ты прости-прощай, болото!

Ты прости-прощай, барак!

Нам без мусоропровода

Невозможно жить никак!..

Быстро входит Таня Малевич, оглядывается, замечает Глеба.

Таня. Глеб! Глеб, ты спишь?

Глеб (ворчливо). Успнешь тут с вами, как же! Можно подумать, что весь город сошел с ума. Никто не спит. И те, которые переезжают в новые дома, не спят, и те, которые не переезжают, тоже не спят... Одни радуются, другие завидуют! Суета сует! А ты куда?

Таня. Никуда. Мне тоже не спится. Подвинусь, устала! (Села на раскладушку рядом с Глебом.) Да, тебя, кстати, какой-то приезжий дяденька ищет.

Глеб. Кто такой?

Таня. Не знаю. Я его у почты встретила. Очень, между прочим, загадочный дяденька — шляпа спущена, воротник поднят...

Глеб (зевнул). Шпион, наверное. Что ж ты его сюда не привела?

Таня. А я не знала, что ты здесь. Вещи собрал?

Глеб. У меня нет вещей. «Мне и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом!» (Улыбнулся.) У меня нет вещей, но зато у меня есть Машенька!

Таня. Она спит?

Глеб. Спит. Единственная во всем городе. Знаешь, я очень жду, когда она начнет, наконец, говорить и скажет мне — папа... Глупо, да?

Таня (медленно). Нет. Не так уж глупо. Пожалуй даже, это самое умное, что я от тебя слышала.

Глеб. Благодарю! (Помолчал, закурил па-

пиросу.) Ты читала в сегодняшней «Правде» обращение комсомольцев Ленинграда?

Т а н я. Читала.

Г л е б. Молодцы, черти! Заманчиво, а? Нет, ты представь себе только — новый полярный город и порт! Ах, заманчиво! Я бы поехал! А ты?

Т а н я (*усмехнулась*). Ну, какой же ты все-таки мальчишка, Глеб! (*Передразнила*). Я бы поехал! Куда ты поедешь?! Нам еще и тут, милый мой, хватит работы. И не на один год. Мы сдаем всего лишь первый квартал жилых домов... Начинаем, в сущности!

Г л е б (*задумчиво*). Да, конечно... Начинаем... И все-таки город уже есть! Есть! Он живой! Его уже можно — как любила когда-то говорить Сима — потрогать руками...

Т а н я. Знаешь, теперь я могу признаться — я ужасно рада, что ты не дал мне строить временки...

Г л е б. Ага!

Т а н я. Да-да! Я ужасно рада, что мы ни где и ни в чем не предали нашу мечту и не пошли на уступки.

Г л е б. Так ведь это не только наша мечта. Это мечта Мальцева. И мечта Симы. И мечта тех, тысяч и тысяч, которые не вернулись с войны. Они оставили нам такую пропасть неоконченных дел и нерешенных замыслов. Нам с тобой, живым! И в каждом своем поступке мы ответственны вдвое — за себя и за них!..

Снизу, от реки, торопливо поднимается Зойка Рогожина.

З о й к а. Глеб Васильевич, дорогой... Доброй ночи, Татьяна Михайловна!

Т а н я. Доброй ночи.

З о й к а. Глеб Васильевич, как мой шифоньер?

Г л е б. Прекрасно.

З о й к а. Его никто не трогал?

Г л е б. Нет-нет, никто.

З о й к а. Вы понимаете, я потому волнуюсь, что это очень старинная и ценная вещь — красное дерево...

Г л е б. Да, я уже знаю.

З о й к а (*тряхнула головой*). В общем, я надеюсь на вас, Глеб Васильевич!.. (*Убегает*.)

Т а н я (*посмотрела ей вслед, насмешливо протянула*). Да-а, довольно-таки вздорная девица! Ох, боюсь, заплачет с нею Сережка Галай! Поводит она его в упряжке!

Г л е б. Самое занятное, что это говоришь ты.

Т а н я. А у меня характер не вздорный. У

меня скверный характер. Это большая разница.

Г л е б. Я ее не улавливаю.

Т а н я. А ты, мой милый, еще очень многого не улавливаешь! (*После паузы*.) Между прочим, ты в каком доме получаешь квартиру?

Г л е б. В шестом. Там, где все старожилы. А ты?

Т а н я. И я в шестом. Квартира восьмая, третий этаж. Милости просим!

Г л е б. Восьмая квартира! Ну-ну! Любопытно, черт побери! Хотел бы я знать — кто там у вас в Совете занимался распределением ордеров?

Т а н я. А что такое?

Г л е б. Мы. Оказывается, соседи. У тебя восьмая, а у меня девятая. Представляешь, как это будет выглядеть? Как в зоопарке, на площадке молодняка. Петух и лиса за одной решеткой!

Т а н я. Ничего, Глеб. Не горюй. Как-нибудь проживем.

Г л е б (*засмеялся*). Хорошо хоть, что у нас не общая кухня и ты не сможешь после очередной ссоры сыпать табак в мою манную кашу...

Прогудела и смолкла машина. Входит Мальцев, которого сопровождают Варя и Клава. В руках у Вари толстая конторская книга, а Клава держит, освещая дорогу, зажженный фонарь.

М а л ь ц е в. Здравствуйте, граждане.

Т а н я. Здравствуйте, Иван Александрович!

Г л е б. Мы виделись.

М а л ь ц е в. Караулите рассвет? Похвальное занятие! Почему не спите?

Т а н я. Так ведь и вы не спите, Иван Александрович.

М а л ь ц е в. Мне спать некогда. Мои годы такие, что ни спать, ни заглядывать в паспорт особенно не рекомендуется! (*Усмехнулся*.) Очень много надо бы еще сделать, а счетчик стучит. Стучит и стучит. Я и оглянуться не успел, как уже настучало — сорок пять, пятьдесят и так далее... Мне на прошлой неделе жена прислала письмо — приезжай, пишет, домой, хватит с тебя, старик!

Г л е б. И что же вы ей ответили?

М а л ь ц е в (*коротко*). Заказал билет на самолет.

Г л е б. Билет на самолет?! Любопытные новости! А почему же мы об этом ничего не знали?! Ты слышишь, Татьяна?

Т а н я. Когда вы летите, Иван Александрович?

М а л ь ц е в (*с хитрой и довольной улыбкой*). Я?! А кто вам сказал, что я собираюсь лететь! Прилетает моя жена. Сюда, к нам. Завтра поеду ее встречать!

Т а н я (с облегчением). Ах, Иван Александрович!

В а р я. Между прочим, Глебушка, чтоб не забыть — тебя ищет какой-то приезжий товарищ.

Г л е б. Где он?

В а р я. Я встретила с ним у горкома.

Г л е б (стараясь не глядеть на Варю, с непонятной злостью). Этот таинственный незнакомец упорно ищет меня там, где меня нет! Ну, пусть ищет. Кто ищет — тот всегда найдет!..

М а л ь ц е в (тряхнул головой). Ладно, Варенька, раскрывайте ваш список, докладывайте — что здесь. И на этом закончим.

В а р я (раскрыла конторскую книгу). Клава, посвети.

К л а в а (приподняв фонарь). Так?

В а р я. Хорошо! (Читает.) «Дом номер шесть. Всего квартир сорок четыре. Из них десять однокомнатных, двенадцать двухкомнатных и двадцать две трехкомнатные. Все квартиры распределены, ордера на руках. Один ордер возвращен».

Г л е б (грубо). Кем?

В а р я. Мной.

Г л е б. Почему?

В а р я (чуть смутилась). Ну ты же знаешь, Глеб. Я же тебе говорила. Еще зимой. Неужели ты не помнишь?

Г л е б (старательно, чиркая спичкой). Ах, да-да.. Что-то такое припоминаю... В общем, понятно!

М а л ь ц е в. А мне пока еще непонятно. Вы, может, собираетесь нас покинуть, Варя?

В а р я. Ой, нет, что вы, Иван Александрович?! Нет-нет, совсем не поэтому!

М а л ь ц е в. А почему?

В а р я. Так... Мне не нужно.

К л а в а. Да скажи ты, в конце концов, чего ты стесняешься?! Она замуж выходит, Иван Александрович! За Илью Левитина. Они вместе жить будут, вот и весь секрет!

М а л ь ц е в (весело). Ах так?! Поздравляю! От всей души поздравляю!

Т а н я. Поздравляю, Варенька!

В а р я. Спасибо! (Оглянулась на Глеба, но Глеб молчит.) Большое спасибо!

М а л ь ц е в. Это превосходно, друзья мои! А когда же нас позовут на свадьбу?!

В а р я. В будущую субботу, Иван Александрович. Сегодня мы переедем, завтра пойдем — распишемся, а свадьбу решили устроить в будущую субботу.

Г л е б (глядя куда-то в сторону). А в старину, чудаки люди, поступали почему-то наобо-

рот: сначала играли свадьбу, а уже потом начинали совместную жизнь... Вероятно, я старомоден, но мне тоже такой порядок кажется более логичным! Вы не находите?..

В а р я (укоризненно). Глеб!

Т а н я (тихо). Перестань, Глеб!

В а р я. У нас же не было времени... Зимой и весной было не до этого... А потом я стала готовиться к началу занятий в школе, а Илья ездил в область на семинар... У нас просто не было раньше времени...

К л а в а (сердито покосилась на Глеба). Да что ты оправдываешься?! Вам жить, вам и решать, какой порядок логичнее! А если каждый, понимаете, будет указывать...

Т а н я (резко). Клавдия, не расходишь!

К л а в а. А что он, в самом деле?!

Т а н я. Клавдия!

М а л ь ц е в (с явным желанием предотвратить ссору). Ладно, девушки, давайте-ка в последний раз проверим все наши списки, чтобы утром не было никаких недоразумений!

В а р я. Хорошо, Иван Александрович!

М а л ь ц е в. Сядем здесь — за круглым столом. В самых, так сказать, лучших дипломатических традициях! (Сделал рукой широкий приглашающий жест и улыбнулся.) Прошу занять места!..

Мальцев, Варя и Клава садятся за круглый стол. Варя раскрывает конторскую книгу, Клава ставит на стол фонарь.

К л а в а. Товарищи, а это чья девочка? Девочка, ты чья?

Д е в о ч к а (тоненьким голоском). Фомичева.

К л а в а. А-а, Сергея Семеновича? Это канарейка у тебя?

Д е в о ч к а. Кенар.

М а л ь ц е в. Давайте, давайте, товарищи.

Мальцев, Варя и Клава, склонившись над конторской книгой, принимают проверять списки.

Т а н я (Глебу, негромко). Глеб, знаешь...

Г л е б (угрюмо). Что такое?

Т а н я (с трудом подбирая слова). Я вот о чем подумала... А ведь ты, пожалуй, прав... И это, действительно, очень интересно — новый полярный город и порт... Это такая задача, которая не всякому по плечу... А ты... Ты человек талантливый... И если ты хочешь, то можно будет поставить вопрос в горкоме...

Г л е б (с невеселой усмешкой). Не надо, Татьяна. Будем уж лучше, как все это время,

спорить и ссориться. Так нам привычнее. А чуткость проявлять не надо! *(Резко встал.)* Ладно! Я пойду, поищу этого таинственного незнакомца. А если он явится сюда — пусть сидит и ждет...

Мальцев *(исподлобья внимательно по-смотрел на Глеба)*. Украинцев!

Глеб. Да?

Мальцев. Погоди, я подвезу тебя на машине.

Глеб. А я хотел пешком, Иван Александрович...

Мальцев. Тем лучше. Пройдемся пешком. Потолкуем! *(Поднялся.)* Все в порядке, девушки! До утра!

Варя. До утра, Иван Александрович!

Мальцев и Глеб уходят. Варя и Клава подсаживаются к Татьяне. Молчание. Издалека доносятся смех, голоса, музыка.

Клава *(вздыхнула)*. Куда-то мой Платонов пропал. Поехал за вещами и пропал.

Таня. А вы разве не перевезлись еще?

Клава. Там кое-какая мелочишка осталась. А вы, Варенька?

Варя. А у нас с Ильей нет еще пока ничего. Кровать, стол, два стула да часы с кукушкой! *(Прислушалась к далекой музыке, улыбнулась.)* Слышите, девочки, что играют?

Клава. Вальс.

Варя. Да. Тот самый вальс, что играли в ночь, когда я приехала! *(Поежилась.)* Ну, конечно, теперь я загрушу!

Клава. Не стоит, Варенька, о чем?

Варя. Стареем, черт побери! Год пролетел так, что и не заметили. А за ним другие еще быстрее пройдут...

Таня. Ну и что ж?! Пускай идут! Не знаю, как у вас, девочки, а у меня до сих пор все еще живо некое детское удивление...

Варя. Перед чем?

Таня. Понимаешь, утром я прихожу в городской совет, поднимаюсь по лестнице, останавливаюсь у дверей председательского кабинета, и мне всегда ужасно хочется постучать, и войти, и убедиться в том, что в этом кабинете сидит очень умный, замечательный, взрослый, что ли, человек, который и научит меня, как жить, и поможет мне... И я тихонько, чтобы никто не слышал, стучу и вхожу, и сажусь за свой председательский стол, и начинаю принимать людей, которые пришли ко мне с тем, чтобы я их научила, как жить, и помогла им!..

Варя. Ты чудачка! *(Обняла подруг за плечи.)* Ах, девочки, завидую я вам! Сколько

вы всего сделали и сколько еще сделаете! Про тебя, Татьяна, я и не говорю. А Клава скоро пойдет учиться, станет врачом... А я?! Ну, доведу до выпуска один класс, провожу ребятшек в дальнее плавание и опять начну все сначала. *(Засмеялась.)* Но, знаете, я все-таки верю, что мне удастся дожить до такого дня, когда я войду в зал, где будут сидеть ученнейшие мужи и толковать о вещах, решительно мне не понятных, и я войду, и они все встанут — мои бывшие ученики, те, которых я когда-то первая научила нехитрым, но важным правилам синтаксиса! Вот я какая тщеславная, видите?!..

Молчание. Снова приближается песня, которую распевает компания Сережки Галая:

Не в палаточке под елью,
Где ни встать, ни лечь, ни сесть,—
Мы справляем новоселье
В новом доме номер шесть!..

Клава *(засмеялась)*. Придумали уже! Слушайте, девочки, а вы себе к новоселью сшили чего-нибудь? Ты в чем будешь, Варенька?

Варя. Не знаю. В красном, наверное.

Клава. Тебе идет красное.

Таня. А у меня скандал. Так похудела за это лето, что все болтается, как на вешалке. Придется надеть костюм. А ты в синем, Клавдия?

Клава *(загадочно улыбнулась)*. Нет, я в новом! Увидите! Ах, мы должны быть очень красивыми, девушки! Самыми красивыми! Мы в конце концов имеем на это право — быть самыми красивыми! Мы ходили в штанах и ватниках, в керзовых сапогах, с помороженными руками, а теперь наденем нарядные платья и парадные туфли... И пусть мальчишки — те, что недавно приехали, пусть они влюбляются в нас! И пусть наши мужья немножко позлятся и поревнуют... Тем более, что пройдет это самое воскресенье — и нам снова влезать в керзовые сапоги и брезентовые штаны... И, кто знает, скоро ли доведется опять устраивать передышку и что-то там праздновать... Давайте... знаете что?

Варя. Что?

Клава *(неожиданно для самой себя)*. Давайте, девушки, песню споем!

Таня *(махнула рукой)*. Фантазия!

Клава. Вовсе нет! Помните, как бывало — зимой, придем с работы усталые, замерзшие, заберемся все вместе на койку, ноги укутаем — и в три голоса... Красота!.. *(Покосилась на Варю и Таню, вздохнула, зачем-то посмотрела*

на небо и вдруг с высокой протяжной ноты начала песню.) А-а-а-ах!

Стоит белая береза,
Всем ветрам покорная.
Не бывает мое сердце
Никогда спокойное!..

Таня подхватила низким грудным голосом:

Подойду я к быстрой речке,
Встану на коленочки.
Скажи, речка, два словечка,
Что делать мне, девочке?!

Вступает Варя:

Что ты, белая береза,
Ветра нет, а ты шумишь?!
Что ты, бедное сердечко,
Горя нет, а ты щемишь?!..
А-а-ах!

Секунда молчания. А затем снизу, от реки, осторожно и тихо, словно боясь нарушить очарование песни, поднимаются Федор Платонов, Сережка Галай, девушки.

К л а в а. Федор!

П л а т о н о в. Мы внизу стояли. Слушали. Не хотели вам мешать.

Г а л а й. Скажите, девушки, а вы «Сомнения» Глинки не поете?

К л а в а (с озорством). Нет, мы про сомнения не поем. Нам все ясно. Мы исключительно про страдания поем. Про казанские страдания. Федор, слушай, ты вещи привез?

П л а т о н о в. Привез. Не сгрузил еще только. Я, между прочим, Татьяна, и твои там креслица прихватил!

Т а н я. Спасибо.

Г а л а й. Вы когда, граждане начальники, двери открывать будете?

Т а н я. В шесть часов утра. По сигналу трубы. Тысячу раз уже говорили вам об этом.

З о й к а. А нам кто-то сказал, что не в шесть, а в пять... И мы очень волнуемся...

Т а н я. А вы не собирайте сплетен — не будете волноваться.

К л а в а. Ладно, пошли — вещи разберем.

Т а н я. Я с вами.

П л а т о н о в (на ходу). Товарищи, а это чья девочка? Девочка, ты чья?

Д е в о ч к а (тоненьким голоском). Фомичева.

П л а т о н о в. А-а, Сергея Семеновича!

Т а н я. Пошли-пошли.

З о й к а. Умоляю, возле моего шифоньера — поосторожней!

Т а н я. Знаем!..

Все уходят.

Варя остается одна. Тишина. По реке с фонарем проходит лодка, мелькают огни автомобильных фар на том берегу, осторожно постукивает буксир. На площадке, за Вариней спиной, появляется невысокий человек в осеннем пальто с поднятым воротником, в темной шляпе, нахлобученной на глаза. Увидев Варю, он останавливается, подходит ближе, откашливается.

Неизвестный. Простите...

В а р я (обернувшись). Да?.. Ах, это вы?! Ну, вы нашли Глеба Васильевича?

Неизвестный (развел руками). Увы! (Помолчав.) А что вы здесь делаете одна? Плачете?

В а р я. Нет, я не плачу.

Неизвестный (со странным упрямством). Плачете, плачете... И это правильно! Можно постронть сотни новых городов и сочинить тысячи красивых и громких речей! А вот изменить ничего, в сущности, нельзя! Будет и ночь, и река, и обрыв над рекой! Будет девушка стоять у края обрыва и плакать!.. Вы ждали его, а он не пришел... Я угадал?

В а р я (улыбнулась, удивленно и насмешливо посмотрела на Неизвестного). Ничуть.

Неизвестный. Вам не холодно? Здесь сыро у реки, а вы в легком платье. Вы можете простудиться и заболеть... Как вас зовут?

В а р я. Меня зовут Варвара Сергеевна Калининкова. А вас?

Неизвестный (почему-то неожиданно смутился). У меня трудное имя. Вы не запомните. Да и к чему?! Что в имени тебе моем?! Я уеду отсюда с утренним поездом и уже никогда... А впрочем, вы правы, до утра еще далеко! И так как тот, которого вы ждали, не пришел, то разрешите представиться — Андрей Александрович! Вам нравится это имя?

В а р я. Не слишком.

Неизвестный. Ну, в таком случае, можете называть меня — Александром Андреевичем. Мне все равно!..

Быстро входит Г л е б.

В а р я. Глеб?! Глеб, иди-ка сюда! Вот товарищ, который тебя разыскивал.

Г л е б (сухо). Очень приятно.

В а р я (после паузы). Я сейчас уйду. Если можешь — дожись меня. Мне тоже нужно с тобой поговорить.

Г л е б. Хорошо.

В а р я. До свидания, Александр Андреевич!

Неизвестный. До свидания, Варвара Сергеевна!

Варя уходит. Молчание.

Глеб. Так чем же могу быть полезен?
Неизвестный (со смехом). Сейчас я вам скажу...

Он снял шляпу, и теперь мы его узнали — это доктор Бельчиков.

Здравствуйте, Глеб Васильевич! Не узнаете?

Глеб (ошеломленно). Виктор Петрович? Вы?!

Бельчиков. Я.

Глеб (помолчал, пригладил волосы). Ну, что же, здравствуйте, Виктор Петрович! Когда вы приехали? Зачем? Что вам здесь нужно?

Бельчиков. Вы не догадываетесь?! Мне нужна моя дочь! Ни вы, ни Илья не желали сообщить мне о том, что она существует. Но свет не без добрых людей. Я получил письмо, немедленно собрался и вот — приехал за ней!..

Глеб (глухо). Я Машеньку вам не отдам!

Бельчиков. Ее зовут Машенька?

Глеб. Я не отдам ее. Никому не отдам. А уж вам-то тем более! Вы бросили Симу, вы сбежали, а теперь...

Бельчиков (перебил, спокойно). Мои отношения с Симой не касаются решительно никого! Это лирика! Любой суд поддержит меня и заставит вас вернуть ребенка законному отцу! И я совершенно искренно советую вам не упрямиться, Глеб Васильевич! Чем дольше девочка будет у вас — тем труднее будет вам с ней расстаться! А расстаться вам с ней все равно, рано или поздно, придется...

Глеб. Нет!

Бельчиков. Да! (Помедлив.) Я хочу уехать отсюда первым утренним поездом. В семь сорок пять. Так что, если вы не возражаете, давайте пройдем сейчас к вам, и я заберу Машеньку.

Глеб (сжал кулаки). Послушайте, Виктор Петрович...

Бельчиков. Ну?

Снизу поднимается Илья, останавливается в стороне, прислушивается к разговору.

Глеб (взволнованно и растерян). Я прошу вас... Я никогда и никого ни о чем не просил, но вас я прошу... Вы не знаете, вы даже не можете понять, как много значит для меня Машенька! Я прошу вас... Так случилось, что я на свете один...

Бельчиков (прищурился). Ваши родные погибли в немецком плену?

Глеб. Да.

Бельчиков. В том самом лагере, где находились и вы?

Глеб. Да. Откуда вам это все известно?

Бельчиков (усмехнулся). Естественно, что я интересовался прошлым человека, который собирается воспитывать мою дочь! (Понизив голос.) А не кажется ли вам странным, Глеб Васильевич, что ваши родные погибли, а вам удалось бежать?!

Илья (шагнул вперед). Нет, нам это не кажется странным!

Бельчиков. Илья?!

Илья. Нам это не кажется странным. Мы вместе бежали с Глебом. Из лагеря смерти. В сорок третьем году. А где были в это время вы, Виктор Петрович? В каком медвежьем углу прятали вы свою драгоценную шкуру и незапятнанную анкету? Как вы посмели приехать к нам?! Как вы могли подумать, что мы позволим вам увезти отсюда Машеньку?!

Бельчиков (теперь уже он слегка растерялся). Она моя дочь, Илья!

Илья. Нет, не ваша. Вы ошибаетесь. Она дочь Симы. Она дочь Глеба. Она дочь нашего города. И никогда в жизни она не узнает, что ее отец — вы! Так хотела Сима. Мы много говорили с ней, и это ее последняя просьба. В ту ночь... Она была в полном сознании... Она хотела долго жить...

Бельчиков. Отчего она умерла?

Илья (отрывисто). Были трудные роды... Начался сепсис... Что я мог сделать?! Я был только неопытным мальчишкой, щенком, которого бросили в воду, чтобы научить плавать. У меня голова шла кругом, рук не хватало... А вы убежали! Я часто вспоминал вас, Виктор Петрович! И в ту ночь, когда умерла Сима, я вспоминал вас...

Бельчиков. Перестань!

Илья. И весной, когда нам завезли эпидемию, я тоже вспоминал вас, Виктор Петрович! Это были такие дни, о которых и рассказать — невозможно! Нужно было спешно заканчивать плотину, и Клава Хаджибекова — она работала по пятнадцать часов в сутки, под проливным дождем, по колено в мокрой глине... А потом прибегала ко мне, в больницу — помогать и дежурить! И мы вдвоем вспоминали вас, Виктор Петрович! Ваш привет и лучшие пожелания... Мы очень многое умеем прощать, но трусости и подлости — нет, никогда!

Бельчиков (раздраженно). У тебя, до-

рогой мой, чрезвычайно распространенное и утомительное заболевание — охота постоянно читать мораль. Мне это надоело. Даже когда я просыпаюсь, какой-то балбес по радио начиняет меня учить, с какой ноги я должен встать, когда полагается открыть форточку и в каком порядке следует умываться... Я уже умею умываться и хочу это делать так, как угодно и удобно мне! *(Обернулся к Глебу.)* Глеб Васильевич, пойдемте за Машенькой!

Илья. Вы не пойдете!

Бельчиков. Илья!

Илья. Нет! Вот это все — право жить в нашем городе и веселиться на нашем празднике, учить молодежь и воспитывать дочь — все это вы когда-то променяли на белую булку и на мелкие радости покоя и благодущия... Вы прогадали, Виктор Петрович! А теперь уходите! Уходите, или я соберу людей и скажу им, что вы тот самый Бельчиков, именем которого бранятся мальчишки в нашем городе.

Бельчиков. Товарищ Левитин!..

Илья. Я считаю до трех! *(После паузы.)* Раз!.. Два!.. Три!.. *(Громко.)* Товарищи! Товарищи, идите сюда! Я хочу познакомить вас с человеком...

Бельчиков. Илья!

Илья. Товарищи, идите сюда!..

Внизу, на набережной, раздаются голоса, шум. Бельчиков растерянно смотрит на Илью, на Глеба и вдруг, как-то странно сгорбившись и втянув голову в плечи, поспешно уходит. Вбегает Зойка Рогожина.

Зойка. Что?!.. Что случилось?!.. Шифоньер?!..

Глеб. Все в целости и сохранности.

Зойка. Фу, а я напугалась!.. Скоро сигнал, знаете?

Глеб. Знаем.

Зойка. Ой, как вы меня напугали!.. *(Убегает.)*

Глеб подходит к Илье, смущенно и неловко обнимает за плечи.

Глеб. Илюшка!

Илья. Что?

Глеб. Спасибо тебе.

Илья *(сердито)*. Спасибо?! Умнее ты ничего не можешь придумать?! *(Неожиданно улыбнулся.)* Варя велела нам сидеть тут, никому не уходить и в ожидании ее прихода любоваться друг другом.

Глеб. Тоскливое занятие.

Илья. Приказ есть приказ.

Глеб. Да, приказ есть приказ, ничего не попишешь!..

Илья и Глеб, действительно, уселись друг против друга.
Молчание.

Илья. Ты что улыбаешься?

Глеб. Оказывается, я соскучился по тебе, чертушка! Мы ведь все последние месяцы виделись только, так сказать, на ходу.

Илья. А тебе не кажется, что в этом есть немножко и твоей вины?

Глеб. Возможно. Но и ты хорош: то у тебя конференция в области, то какая-то показательная операция, то беседа в клубе... А мне еще говорили, что на днях ты изволил дежурить трое с половиной суток, не являясь домой! Было такое?

Илья *(добродушно)*. Было. Расту, видишь ли. Овладеваю секретами мастерства!..

Глеб. Переросток! А как-нибудь менее бурно ты не можешь расти?

Илья *(усмехнулся)*. Могу! Но ты понимаешь, Глеб, меня все время преследует мысль о том, что мне безумно некогда! *(Медленно снял очки, подышал на стекла.)* Я очень хорошо помню первый год войны — Киев, бомбу, угодившую в здание школы, и чижики-приготовишечки... Я помню, как они лежали, и пальцы у них были вымазаны чернилами... И когда теперь я просматриваю газеты, слушаю радио и вижу, что новым нелюдям не терпится повторить то же самое, — я понимаю, что я обязан быть готов! И я хочу, чтобы они там знали, что я — доктор Илья Ильич Левитин — готов стать в строй и что я не дам им в обиду наших чижикиков! Тебе смешно это, да? Казалось бы, чего уж им меня-то бояться?! Штатский человек, и притом в очках... Но я хотел бы, чтобы каждый из нас думал именно так! *(Снова помолчал.)* Ты сегодняшнюю «Правду» читал?

Глеб. Письмо ленинградских комсомольцев? Читал, конечно. Завидуешь, доктор?

Глеб. Красиво, а?

Илья. Так ведь и ты завидуешь, инженер! Север, новый полярный порт, синее море и белые пароходы... Тебе никогда не хотелось стать капитаном, доктор?

Илья *(смешиливо)*. Хотелось. Откровенно тебе скажу, что я и по сей день не отказался от этой идеи!

Глеб. Ну и правильно! Будь капитаном! Отдаю тебе этот... как его... румпель — владей!

Илья. Почему именно румпель?

Глеб *(засмеялся)*. А тебе не все равно — что? Румпель, стаксель, бом-брам-стенга... Будь капитаном! А меня вполне устраивает роль матроса. Того самого, который первым увидит землю и крикнет: «Земля!..» *(Помедлив.)*

А знаешь, Илюшка, ведь это и вправду неплохо — дни, недели, месяцы вглядываться в туман и гнать к дьяволовой бабушке всяческие там магнитные бури, и не позволять им сбивать стрелку компаса, и верить, что впереди обетованная земля, и первым на рассвете увидеть ее, наконец... Есть предложение выпить по этому поводу! Пошли?

Илья. Зачем? Куда? *(Заговорищицки.)* У Вари, насколько мне известно, припрятана бутылка мадеры...

Глеб *(презрительно)*. Мадера! Эх ты, а еще капитан! Я тебя к геологам зову — спирт пить.

Илья *(забеспокоился)*. Погоди, тогда надо Варе сказать.

Глеб *(развел руками)*. Нет, с женатыми друзьями дружить немислимо! Надо Варю пождать, надо Варе сказать, надо с Варей посоветоваться. А что можешь ты сам?

Илья. А ты?

Глеб. Все решительно! Захочу напиться — напьюсь! Захочу — пойду сейчас на площадь Парижской Коммуны — там танцы устроили. Приглашу какую-нибудь самую скромную и милую девушку на тур-вальса, а потом отправлюсь ее провожать... Будем ходить с ней по набережной, целоваться и мечтать... *(Встал.)* Да, именно так я и сделаю!

Илья. Иди!

Глеб. И пойду!

Илья. Иди-иди... Скорей, а то танцы кончатся.

Глеб *(помолчав)*. Свинья ты, братец-капитан, вот что!..

Вдали слышен голос Вари. Она зовет:
«Мальчики!..»

Илья. Что такое?

Глеб. Погоди. Молчи. Пусть она еще раз нас позовет.

Варя окликает снова: «Люди!..»

Илья и Глеб сидят молча, притаившись. Входит Варя. В руках у нее какой-то пестрый узел и чемоданчик.

Варя. Слушайте, люди, вы почему не откликаетесь? *(Испытующе и немного тревожно оглядела Илью и Глеба.)* Чем заняты?

Глеб. Разговариваем. Ты застала нас врасплох.

Варя. Что так?

Глеб. Да вот Илья тащил меня к каким-то геологам пить спирт, а я утверждал, что это неудобно и надо тебя подождать!

Илья *(даже задохнулся от негодования)*. Ну — негодяй!..

Варя *(развязала узел)*. Здесь у меня стаканы. Посуда, в общем. А тут в чемоданчике есть вино. Мадера. Если вас устроит мадера, то разрешаю распить эту бутылку под открытым небом в честь новоселья и прочего...

Глеб. Это гениальнейшая идея, Варенька!..

Варя *(быстро)*. Только скорей, мальчики! Нас ждет Мальцев!

Илья. Зачем?

Варя. Понимаете — он говорил с областью. К нам едут какие-то очень знаменитые товарищи из Академии наук. Будут здесь работать. Их надо встретить и разместить...

Илья *(со смешком)*. Разместить? А где разместить?..

Варя *(уклончиво)*. Ну, не знаю... Таня, например, сказала, что она может пока остаться в общежитии... И я подумала, что и мы с тобой...

Глеб *(хмуро и резко)*. Я-то наверняка останусь в палаточном городке. До осени, во всяком случае. Надо сказать Платонову с Клавой, Сережке Галаю...

Илья. Нет-нет. Не надо. Они пусть переедут. А уж мы...

И вдруг, взглянув друг на друга, Илья, Варя и Глеб принимаются хохотать. В прозрачном и чистом предутреннем воздухе проплыл сигнал пионерской трубы.

Варя. Слышите?! Вы слышите, мальчики?!..

Внизу, на набережной, восторженный гул голосов, песня, шум подъезжающих машин, грохот. И, перекрывая все эти звуки, раздается отчаянный крик Зойки Рогожиной. «Шифонье-е-е-е!..» Девочка с клеткой прыгивает со стола и убегает.

Глеб. Пошли!.. Начали!..

Варя. Смотрите-смотрите, вон загорелся свет в первом окне... А вон еще... И еще... И еще...

Илья *(тихо)*. Да, дорогие мои, может быть, это и есть самое лучшее, что суждено человеку, — увидеть огни города, который ты построил собственными руками!..

Глеб *(насмешливо фыркнул)*. Город!

Илья. Ну, пусть еще не город... Пусть только первые дома... Пусть идти далеко и много трудного впереди, но теперь мы знаем — куда мы идем и кто идет с нами рядом... А это, братцы мои, хорошо!

По набережной, по реке, над городом скользнул первый, тонкий, еще осторожный и неуверенный рассветный луч.

Г л е б. Вот и рассвет.

В а р я (с улыбкой). Ну, скорей, мальчишки! Подставляйте ваши стаканы и давайте выпьем за все за это... За начало пути, и за то, чтобы никогда не останавливаться! И чтобы по первому сигналу походной тревоги — вещевой мешок за плечи и марш в строй! А вы все помните? Вы ничего не забыли?

Г л е б. Нет.

В а р я. И я все помню. И про то, как мы сидели у окна и мечтали о будущем городе. И про то, как ночью, зимой, мы сказали разом одно слово и я загадала желание — долго жить! А ты что загадал, Глеб?

Г л е б. Долго жить.

В а р я. А ты, Илья?

И л ь я. Долго жить.

В а р я. Ах, мальчишки! Ну, какие же вы еще оба мальчишки!.. И вот, что я вам скажу...

З а т е м н е н и е

В темноте сильный удар грома, грохот ливня, автоматная очередь, собачий лай. Под ливнем, в грязи, по бесконечной дороге медленно тянется многотысячная человеческая армия — женщины, старики и дети, — идут конвоиры с автоматами наизготовку, шагают впереди Девушка, Паренек и Солдат.

П а р е н е к (стараясь перекрыть грохот ливня).

Черт возьми, вот так — хлынуло! Вот так гроза! Гром гремит, словно бешеный, без передышки...

Д е в у ш к а (увлеченно).

Я скажу вам — мальчишки! Ну, что за мальчишки?!

Подставляйте стаканы, глядите в глаза. Это нам примерещились — ливень и гром, Теплый ливень далекого южного лета, Будто снова, как в детстве, накрывшись

платком, Сквозь туман, по траве, мы бежим босиком...

Подставляйте стаканы и выпьем за это!..

Пьем за дружбу, которой не надобно слов!

Пьем за вечную молодость, пьем за тревогу,

За мешок вещевой, и за сборы в дорогу...

П а р е н е к.

До откоса не более сотни шагов!..

Только помните, братцы, бегите поврозь!!!

С о л д а т.

Жаль — истории нам досказать не пришлось!

Д е в у ш к а.

Мы доскажем! Доскажем! Пускай не сейчас!

Если мы не доскажем — доскажут другие.

Закричать бы, да так, чтоб в Советской России, Там, за линией фронта, слышали нас!

(Чуть шагнула вперед.)

Слушай, Варя, меня! Помни, Варя, меня! Если мне не увидеть грядущего дня, Если мне не придется прожить эту жизнь, Ты ее проживи — так достойно и смело, Ты ее проживи, точно так, как хотела Я прожить...

П а р е н е к.

Нам осталось немного!

Держись!

Д е в у ш к а.

Будет город построен! Он будет, поверь, Много лучше, чем мы сочинили. И все же У меня почему-то мурашки по коже... Не от страха! Ничуть! Мне не страшно теперь! Варя! Варя! Сейчас ты не можешь помочь, Так ответь мне судьбою — прекрасной и строгой,

О которой в военную, в страшную ночь Я мечтала...

П а р е н е к.

Немного осталось!.. Немного!

Меньше сотни шагов! Помни, Глеб, обо мне! Я не струсил, не сдал в окружении вражьем. Мы такое узнали на этой войне, Что и правнукам накрепко помнить накажем! Пусть умру — но мечты у меня не отнять! Но свершенья мечты у тебя не отнять!.. Если ж новая нечисть поднимется тучей, Ты оружие выбей из лапы паучьей, Ты не дай им оружие снова поднять! Помни, Глеб!..

С о л д а т.

Ты, Илья, не забудь никогда — Эту чертову пыль, этот путь в никуда! Мы не просто мечтали о счастье твоём, Мы его начинали своими руками. Видишь — взорваны склады с немецким добром,

И горят поезда, подожженные нами?! Хорошенько взглядишь и запомни, Илья. Эту ночь, и дорогу, и нас на дороге... Невеселая, милая мама моя, Ты напрасно встречаешь меня на пороге, Сын ушел...

Неожиданно Солдат взмахнул рукой и запел. Он поет громко, весело, и Девушка с Пареньком подхватывают песню.

Протрубили трубачи тревогу, Всем по форме к бою снаряжен, Собирался в дальнюю дорогу Комсомольский...

П а р е н е к.

Бегите!.. Бегите!.. Бегите!..

Выстрел.

Стремительный ливень захлестывает и закрывает от нас все происходящее на дороге. Мы только слышим короткий вскрик часового, автоматную очередь, топот ног, прерывистое дыхание бегущих, замерший в отдалении собачий лай.

Понемногу начинает светать, и тогда мы видим, как по вымытой ливнем дороге, освещенная первыми лучами рассветного солнца бежит Девушка. Вот она остановилась, откинула упавшие на лоб волосы, крикнула, задыхаясь:

Мы идем... Всем смертям, всем погоням назло,
Мы идем в эту жизнь! Дождь прошел!

Рассвело!

Только песни не кончили... Что ж, не беда!
Все равно, не страшны никакие напасти
Этой песне о вас, о грядущем, о счастье!
Вы ее не забудете?..

И издали звонкий мальчишеский голос отвечает
твердо и просто:

Нет, никогда!..

Конец

Об Александре Галиче и его пьесе

...5 февраля 1941 года, за несколько месяцев до начала войны, спектаклем «Город на Заре» открылась Московская театральная студия. Мы все были тогда молоды. И руководители—драматург Алексей Арбузов и я, и участники — «авторы пьесы и спектакля», как значились они на афише.

Чего хотелось Студии в этом спектакле? Прямого и честного разговора о судьбах своего поколения, о жизненных испытаниях, выпавших на долю молодежи тех лет, о счастье трудных дорог. Хотелось представить юность в мечтах и поисках, в ошибках и заблуждениях, показать, как, срываясь и падая, она упрямо ищет свой путь. Хотелось поспорить с молодым человеком в белых брюках и с теннисной ракеткой в руках, слишком часто появлявшимся тогда на нашей сцене. Подвиг строителей Комсомольска казался нам прекрасным аргументом в этом споре. Нам хотелось также поспорить с тем ложным представлением о единстве метода социалистического реализма, как о единстве жанра, и создать условно-романтический спектакль, оставаясь верными правде жизни. Такие задачи увлекли всю Студию.

Но жизнь спектакля была недолгой. Ее оборвала война. Вскоре после того оборвалась и актерская карьера Александра Галича — автора и исполнителя одной из центральных ролей. Он целиком отдал себя драматургии.

Биография Галича между «Городом на Заре» и его последней пьесой — «Походный марш» — складывалась сложно и не особенно счастливо. Были у него пьесы, написанные горячо и талантливо, которые так и не увидели света ramпы. Были и другие, слишком признанные поначалу, а потом без достаточных оснований развенчанные. Были киноуспехи и были однодневки, промелькнувшие без следа. А мне все казалось, что Галич еще не нашел себя, что романтические устремления его юности не воплотились пока что в образах живых и волнующих.

И вот я читаю новую пьесу, написанную неровно, местами неотделанную, шероховатую, и с каждой страницы глядит на меня прежний Галич, мечтатель и лирик, повествующий о молодежи наших дней так же взволнованно и с тем же беспристрастием, какими отмечен был «Город на Заре».

Речь в «Походном марше» идет о строителях города, о юношах и девушках, остро чувствующих ответственность перед теми, кто вынес бремя войны на своих плечах, перед дожившими и не дожившими до прекрасного дня победы. О юношах и девушках, которым трудно иногда не меньше, чем бывает трудно на войне, но у которых хватает для их суровой доли и энтузиазма, и

мужества, и воли, и мечты. О юности в походе, в живом и стремительном движении, бурлящей, как весенний поток. Я читал «Походный марш» и вспоминал поэта Светлова, замечательно сказавшего в своей пьесе «Двадцать лет спустя»:

О прошлых днях, о первом наступленье,
О тех, кто шел в передовом ряду,
Споет о нас другое поколение,
Споют о нас в сороковом году.

И молодежь подхватит песню эту,
И пронесет через года побед,
И передаст ее, как эстафету,
Далеким дням шестидесятих лет...

Эти слова могли бы служить эпиграфом к пьесе Галича...

«Походный марш» — произведение романтическое. Действие пьесы развивается как бы в двух планах. В душную грозовую ночь по дороге войны, понукаемые немецкими конвойными, бредут трое: Девушка, Парень, Солдат. Ночь темна, и, кажется, нет впереди надежды; но молодость не сдаётся, но вера сильнее препятствий, и вот уже трое замысливают побег и считают шаги до откоса, куда можно столкнуть зазевавшегося конвоира, и мечтают, мечтают о будущем, о славных делах комсомольцев, которые придут после них. И вот уже нет дороги и этой грозовой ночи, и из тьмы выплывают контуры города, где все сделано молодыми руками.

Мы приглядываемся к героям пьесы и думаем: кто эти люди? Те ли, что брели по дороге, подгоняемые фашистским прикладом, или только похожие на них? Да, это они и не они, биографии тех и других сплетаются и расходятся, это просто одни из многих, у которых по-разному сложились судьбы, это лучшие из сегодняшней нашей молодежи, о боевых традициях которой так вовремя напомнил Галич в своей пьесе «Походный марш». И потому она, на мой взгляд, не требует конкретных, бытовых решений, страшится жанровости, сценического опрошения. «Походный марш» дает возможность создать музыкальный и приподнятый спектакль-песню, поэтическое повествование о молодости, которая мечтает и строит, не сдаётся и побеждает. Трудовое упорство целинников и подвиг завоевателей Севера, труд шахтеров Донбасса и спортивные победы олимпийцев — все вместе заложено в существе характеров героев «Походного марша». Театры, мечтающие о молодой героической теме, найдут для себя в этой пьесе достойный материал.

Валентин Плучек